

The background of the cover is a vibrant blue space scene. A large, dark planet with a bright horizon line is the central focus. To its right, a ringed planet is partially visible. The foreground is filled with a dense field of dark, jagged asteroids of various sizes, some appearing to be in motion. The overall lighting is a deep, glowing blue, with some white and purple highlights from distant stars and nebulae.

ГЕННАДИЙ
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

ПЕРЕШАГНУТЬ
ЧЕРЕЗ БАРЬЕР

Геннадий Яковлевич Александровский

Перешагнуть через барьер (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27581163

Перешагнуть через барьер: Издательство ИТРК; М.; 2017

ISBN 978-5-88010-466-6

Аннотация

Предлагаемый сборник «Перешагнуть через барьер» включает в себя 18 фантастических рассказов и детективов. Также приложена статья «Если заглянуть в будущее». Здесь встречи с иным разумом, неожиданные ситуации на Земле, мистические истории и детективные рассказы как фантастические, так и не фантастические. Общая идея – не потерять себя в нетипичных ситуациях. Эта книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Раздел 1	5
Приказ командора	5
Пробуждение Кошечев	15
В логове ритиянцев	32
Двое на острове	44
Благодетель	68
Соринка в глазу	76
Раздел 2	82
Решение инженера Кравцова	82
Возбудитель эмоций – «Возэм»	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

**Геннадий Яковлевич
Александровский
Перешагнуть через барьер**

© Александровский Г. Я., 2017

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2017

Раздел 1

Неожиданные встречи

Приказ командора

Посадочный модуль опустился на вершину одинокого пика, пустынно торчащего посередине круглой низины, которую окаймляли недалекие скалы, похожие на зубы гигантской акулы. Мы были одеты в скафандры, и потому смело вышли наружу. И очутились в мертвом мире Джеффы. Очень похоже на лунный кратер. Только породы здесь окрашены в бурые и кремовые тона. Джеффа вдвое больше Земли, и наши тела здесь тоже весят вдвое больше. Тяжесть прижимала к голым камням. Пришлось высвободить биокрылья, управляемые мыслью.

Мы с Брагиным взмываем вверх. Во время полета лучше не думать о посторонних вещах, иначе крылья без своевременной команды бессильно повиснут, и ты рискуешь грохнуться о скалы. Брагин – опытный летатель. Он управляет крыльями почти на рефлекторном уровне. Я поневоле позаивидовал ему.

Мы описали над пиком несколько кругов. Наше внимание привлекла черная пленка, покрывавшая дно низины. Мы

опустились на дно кратера прямо на пленку. Зеленое солнце отражалось на ней, как в зеркале. Безжизненный мир казался зловещим и мистическим. Зеленое небо, бурые скалы, черная пленка на камнях, не оставляющая следов. Наши фигуры в серебристых скафандрах казались инородными телами в этом мире безмолвия.

Брагин пытался связаться по радио со «Стрелой», но связь отсутствовала. Атмосфера планеты не пропускала радиоволны. Это было неприятно, но тревоги не вызывало. Мы собрались уже возвращаться. На крыльях поднялись на пик, где стоял наш посадочный модуль. Я уже собирался открыть люк, но Брагин остановил меня.

– Слышишь? Горы беспокойны. Гул под землей. Сейчас произойдет извержение. Это вулкан. Мы уже наблюдали с орбиты за ними. Джеффа не мертвая планета.

– Надо торопиться, – сказал я нетерпеливо. – Не хватало нам очутиться в кратере во время извержения...

Я не успел договорить. Прямо из расселины между двумя валунами вырвались черные брызги. Густые, вязкие и, наверное, дурно пахнущие. Брагин нагнулся и похлопал по черной луже рукой. Потом поднес ее к шлему. Мне показалось, что он понюхал черный след на рукаве.

– Вот тебе и ответ, – сказал он. – Пленка на камнях – это местная нефть. Проверим.

Он извлек из кармана миниатюрный биоанализатор и положил его на пленку.

– Странно, – задумчиво проговорил он. – Никакой органики. Все равно, возьмем образцы – на «Стреле» исследуем. Черт возьми! – вдруг крикнул он, чему я очень удивился. Брагин отличался уравновешенным характером, почти флегматик. Что случилось? – Это же на самом деле нефть, – взволнованно продолжал он. – Только вместо углерода у нее кремний. Кремниевая нефть. Она выдавливается из глубин и растекается по поверхности. Нефтяные фонтаны – вот что такое здешние извержения.

Он нагнулся и стал пристально разглядывать черную пленку, и говорил, точно читал мне лекцию:

– Жизнь на Земле зародилась не от вспышки сверхновых звезд и не от электроразрядов в первичной атмосфере. Она возникла там... среди чудовищных температур и давлений и вместе со своей средой изливалась на поверхность. Кто знает, может быть, здесь через миллионы лет возникнет кремниевая форма жизни и... черт возьми... разум.

Я молчал. Я не мечтатель, как Брагин. Я рядовой пилот космофлота. Всего третий раз в дальнем полете. Еще ничем не отличился. Случая не было. Живительно, что Брагин взял меня с собой. В принципе мне хотелось как можно скорее нырнуть в посадочный модуль и удрать из этого негостеприимного мира, лишённого движения и звуков.

И вдруг Брагин резко выпрямился и отскочил в сторону. Расщелина, из которой фонтанировала нефть, раздвинулась, и в атмосферу выползло нечто черное, неторопливое, похо-

жее на солидный осколок каменной глыбы. Несколько камней упало к нашим ногам. Глыба внезапно легко отделилась от каменного основания и поплыла вверх.

Я разинул рот. Брагин провожал летающий феномен задумчивым взглядом. После взлетевшей громады осталась глубокая яма. Из нее то и дело выпархивали камешки поменьше и тоже, не спеша, поднимались ввысь. Мне удалось поймать один такой камешек. Он был совершенно невесомым. Легче пуха. И в то же время это был самый настоящий минерал с зернистой структурой, твердый на ощупь и имел обломочную форму.

И тут нас отшвырнуло в сторону от модуля. Со страшным грохотом с вершины пика покатались большие глыбы. Я быстро распустил биокрылья и поднялся вверх. На Брагина обрушился каменный водопад, и он не успел взмыть в небо. Поднялась плотная пыль. Черный фонтан поливал все вокруг и сразу перекрасил зеленое небо в черную зловещую краску ночи. Этого еще не хватало! Началось самое настоящее извержение кремниевой нефти.

Я почти упал на камни и выхватил Брагина из-под крупного щебня. Но он уже был ранен. Не мог подняться сам. Не мог пустить в ход свои крылья. Я потащил его к модулю.

Ломались, трескались и сыпались вниз скалы. Зеленый диск звезды Оло превратился в кроваво-красный и от этого казался входом в преисподнюю. Мы очутились в темно-коричневой жиже. Нас качало и швыряло взрывами выскаки-

вающих из недр летающих камней.

Брагин застонал, приходя в себя. Сквозь прозрачный шлем я увидел его бледное лицо с тонкими плотно сжатыми губами и пронзительно синие глаза. Худое, искаженное от страшной боли, которую он испытывал. Я с трудом волочил его, ухватив за плечи. У самого люка нас так потрянуло, что я упал и больно ударился об острые грани каменного пика. Стало чернее, чем в космосе. Черный дождь лился из черного неба. Так должен был выглядеть ад, если бы он существовал.

Вот и люк. Я втащил Брагина в модуль. Он мотал головой в тяжелом шлеме и стонал. Кажется, он потерял сознание. Он был ранен, но я еще не знал всей серьезности его состояния.

Не успел я захлопнуть за собой люк, как модуль вздрогнул и накренился. Это черная магма выбросила каменную пробку, дав начало новому извержению. Модуль мог ежесекундно перевернуться и скатиться с пика в нефтяное озеро на дне кратера. Тогда с нами будет покончено.

Я подскочил к пульту управления, но... Моя рука медленно опустилась. Я закрыл глаза. Молнией пронеслась мысль: малейшее ускорение при подъеме модуля убьет командора. Переломы, кровоизлияния и что там еще возможно? Но и оставаться здесь – тоже смерть. Для нас обоих. Но мне можно спастись, если... Но это же предательство по отношению к Брагину. Спасти самого за счет его смерти... Нет, это никак невозможно. Вызвать «Стрелу»? Я бросился к рации.

Бесполезно. Только сплошные, завывающие помехи.

Модуль раскачивался все сильнее. Какие-то предметы свалились на пол и стали кататься взад и вперед. Вот-вот нас могло сбросить с площадки на скале и залить потоком нефти. Что делать? Где выход?

Неожиданно раздался хриплый прерывающийся от напряжения и боли голос командора?

– Быстрее... Чего ждешь?

Я вздрогнул и повернулся к нему. Он удобно лежал в ложементе и сузившимися от боли глазами смотрел на меня.

– Не могу, – прошептал я.

– По-иному не получится.

– Не могу, – повторил я, отводя взгляд от его лица.

Командор шевельнулся, но это вызвало приступ сильнейшей боли, и снова застонал. И все-таки с презрением, как мне показалось, выговорил:

– Ты трус.

– Лучше останемся вместе, – пролепетал я.

– Это ничего не даст. А так – один шанс из ста. Надо не упустить его.

Он знал лучше меня, что и одного шанса из тысячи не было. Он просто давил на меня. У него было страшное лицо в этот момент, и я боялся смотреть на него.

– Ты еще молод. У тебя нет семьи. Тебе еще жить и жить. А я свое отлетал. Я устал. Я всю жизнь в разлуке с семьей. Да у меня ее фактически и не было. Я же всю... Но я все

равно люблю их – жену и дочь. Она уже взрослая. И потом – Земля должна знать, что тут происходит. Разве мы летели не за этим?

Я возразил:

– Со «Стрелы» спустят еще одну группу. Они продолжат...

Потом он начал бредить. Я плохо слушал его и все пытался найти устраивающий его и меня выход. В голову почему-то лезли воспоминания из детдомовских лет. Даже вспомнилось, как наш наставник в космической академии называл нас «салажатами».

Просто чудо, что мы еще не полетели в тартарары. Удары о стенки модуля становились все сильнее. Нас трясло, как в лихорадке. От грохота плохо слышались наши голоса. Командор очнулся и снова заговорил, но я только по движению его губ догадывался о смысле его слов.

– Поэтому нужно... Рассказать... Привезти с собой... Быстрее... Ну!

Командор был сильнее меня и знал это. Но он верил в меня. А я проклинал себя за беспомощность. Я всегда был нерешительным в принятии решений. Я не мог убить его своей собственной рукой. Это невозможно. Это-то, по крайней мере, я осознавал отчетливо. Он заставлял меня возвыситься до себя, а я не мог, и слезы застилали мои глаза.

– Послушай, – продолжал он через силу, – я вообще не хочу умирать. Именно здесь. Но уж лучше в космосе. Среди

звезд. Это даже поэтично. Среди звезд. Так вот... Я все понимаю. Ты просто выполнишь мой приказ. Последний. Отказаться не имеешь права. Выполняй...

Я снова отдернул поднывающую было руку. Тогда он выпрямился и сам попытался нажать стартовую кнопку. Но не смог. Снова упал в ложемент. И дрожащим голосом сказал:

– Но я тоже не могу. Я слабый человек, несмотря ни на что. А ты – предатель. Ты хочешь погубить результаты экспедиции. «Стрела» завтра должна взять курс домой. Весь полет окажется бесцельным. Домой! А ты... Приказ... Ты забыл Устав? Ну!

Я крепко зажмурился, нащупал проклятую кнопку и... что есть силы нажал, не веря самому себе. Ускорение вдавило меня в ложемент, и я заскрежетал зубами от перегрузки. Постепенно нормальный вес восстановился, и я облегченно вздохнул. И тут же стремительно повернулся в сторону командора. Он почти сполз с сиденья. Недвижим. Рука в серебристом одеянии упала на пол.

Далеко внизу разваливался одиночный пик, выплевывая черный фонтан и летающие камни. Я беззвучно рыдал, и это мешало мне искать на экране координаты «Стрелы».

Уже после возвращения на Землю тщательный анализ образцов с Джеффы показал совершенно невероятное. Это была не просто кремниевая нефть. Это были колонии мельчайших организмов. Не клеточные формы жизни, а что-то совершенно иное. Структура прихваченного мною летающе-

го вещества тоже оказалась совершенно необычной. Его атомы образовывали очень сложную кристаллическую решетку, которая могла быть устойчивой только за счет поглощения внешнего гравитационного поля, что и делало его невосможным.

Один ученый выдвинул оригинальную гипотезу о том, что все космические тела имеют ядра из этого вещества. Стремлением его вырваться из глубинного плена объясняются, по его мнению, землетрясения и вообще все геотектонические процессы на планетах. А, возможно, и характер излучения звезд. Так что кратеры на Луне – это застывшие выплески горных пород после вылета антигравитационных глыб. Смелая и парадоксальная гипотеза, вызвавшая целую бурю в научном мире.

Но буря не захлестнула меня. Я мечтал о втором полете на Джеффу. Но врачи поставили на мне как на космонавте крест. Нашли что-то в нервной системе. Я устроился в центре по подготовке космонавтов и с радостью отдался новой работе.

Но раз в год я приезжаю в город, где жил Брагин, встречаюсь с его семьей. Мы долго сидим в саду под вишнями и больше молчим, чем говорим. Но я приезжаю сюда не за тем, чтобы предаваться раскаянию. Мне просто хотелось... А что хотелось? Да нет, ничего особенного. Теперь ни к чему заново переживать то страшное мгновение. Иного выхода действительно не было. Командор был абсолютно прав. Нельзя

всю жизнь винить себя за содеянное. Мне не в чем каяться.

Но все равно какое-то потаенное чувство вины все еще мешает мне жить спокойно. Будто кто-то все время обвиняет меня. В чем? Кто бы помог мне разобраться в самом себе?

И кажется, что командор до сих пор отдает мне последний приказ – жить.

Пробуждение Кошечев

От Юпитера до Марса все шло нормально. Четко работали мезонные двигатели. Сохраняли штатный режим все установки и приборы. Настроение прекрасное. Еще бы! Через месяц вернусь на Землю после сложного и трудного путешествия на Юпитер, где располагалась самая дальняя база землян. Я вез домой геологические образцы и ценную информацию о самой большой планете Солнечной системы. Много чего я вез назад – груз бесценный и долгожданный.

Пояс астероидов преодолен удачно: ни единого столкновения с бесчисленными здесь крупными и малыми останками Фаэтона. Ни единого повреждения. Было чему радоваться. Все нормально, одним словом. Шел уже двести семнадцатый день обратного полета, как произошло...

Заклинило антенну энергоприемника. Она должна вращаться свободно. Что там случилось? Метеорит задел? Или еще хуже... Пришлось выходить в открытый космос.

Надел скафандр и вышел на поверхность корабля. В самом деле: микрометеорит слегка согнул антенну. Пока дефект был исправлен, прошло около получаса. Я уже собрался вернуться к люку, как вдруг на моих глазах корабль взорвался бесшумно, и разнокалиберные его осколки разлетелись в разные стороны с бешеной скоростью. Меня отшвырнуло куда-то вбок, завертело и закружило. Я потерял созна-

ние.

Когда очнулся, вокруг чернела истыканная звездами пустота. Я оказался в самом идеальном одиночестве. В шлем вмонтирован расходомер кислорода. Посмотрел. Жить мне оставалось не больше сорока минут. Сердце мое дрогнуло, и я понял, что пришла пора прощаться с жизнью. Жаль, конечно, что смерть нашла меня не на родной Земле и останки мои не сольются с природой. На миг вспыхнула мысль: пришел ниоткуда и ушел в никуда... От бессилия на глазах выступили слезы.

Я готов был сразиться с любыми трудностями и опасностями. Я по натуре упрям, смел, дерзок, самонадеян. Но бороться с космосом один на один – бесполезно. Жестокая, равнодушная, мертвая среда!

И я увидел тонкий световой луч, пронзающий пространство из неведомых глубин. Он искал что-то, делая круги, становящиеся все больше и больше. И вот уже розоватый пучок света наткнулся на меня и замер. Потом свет погас, и недалеко от меня заблестела в лучах далекого солнца поверхность гигантского летательного аппарата неземной формы. Он был похож на хищную рыбу. Значит, это он меня обнаружил своим лучом? Он движется ко мне все ближе и ближе. Я был готов ко всему. Но только не к этому. В его корпусе открылся люк, и мне стало ясно, что хозяева ждут меня в гости. Кто они? Несомненно лишь, что звездолет прилетел из далеких краев, может быть даже из другой галактики. Проник-

нуть внутрь? Но с чем и с кем встречусь я там? Как отнесутся ко мне? Найду ли я там пищу и воздух? Как общаться? Или превратят меня в объект исследования? Или... Тысячи мыслей!

А здесь меня ожидает верная смерть. Осталось... тридцать три минуты. И я решился. Все равно другого выбора не было. А там – хоть зыбкая, но надежда на спасение. К тому же я любопытен. Встреча с иным разумом – тысячелетняя мечта человечества. Мог ли я не воспользоваться таким случаем? И я ступил на борт звездолета.

Люк за мной сам собой захлопнулся. Я оказался в небольшом сферическом помещении с ребристым потолком, походившим на нёбо тигра. Слабый свет источали сами стены. Никто меня не встречал. Странно! Очень тихо. Я покосился на расходомер кислорода. Оставалось минут на двадцать.

За эти двадцать минут я должен успеть многое.

Первое – узнать, есть ли внутри звездолета воздух и можно ли им дышать. Второе – встретиться с инопланетянами. И в каком бы облики они ни предстали, сохранять выдержку и достоинство. Третье – установить с обитателями звездолета контакт в любом виде: письменно ли, устно ли, жестами ли. Это программа-минимум. Пока. А дальше все будет зависеть от решения этих трех проблем.

Я обошел «прихожую», если ее можно так назвать, дотрагиваясь до наклонных стен, и наткнулся на нишу, заполненную незнакомыми приборами и экранами. Подошел вплот-

ную и...

Что-то пронзило меня, как током. В глазах вспыхнули искры. Что-то ощупывало меня, пыталось сорвать шлем, проникало внутрь. Я закричал и стал вырываться из невидимых пут. Вспыхнул небольшой экран, и я увидел самого себя без скафандра и без одежды. Совершенно обнаженного. Потом появились какие-то знаки, символы. Они были непонятны и зловещи. Потом все прекратилось и я, тяжело дыша, отскочил от приборной ниши.

Что же получается? Меня изучали? Разобрали по частям, проанализировали, узнали кто я и что я? Опасен ли? Или просто продезинфицировали? Они боятся чужих микроорганизмов? Но ведь я сам подошел к приборной нише – меня никто насильно не заставлял обследоваться. Значит... Ничего не значит. Нечего голову ломать. Пора приступать к реализации программы-минимума.

И я снял шлем. Сделал вдох. Воздух свеж и легкий. Из приборной ниши подул ветерок. Все ясно: приборы установили мою физиологию и подают соответствующую земной атмосфере смесь. Живительная струя! Пункт первый выполнен. Звездолет не дал мне умереть от удушья. Отлично! Чудесные автоматы! Но где же их хозяйева?

Бесшумно раздвинулись две створки, и передо мной появился также слабо освещенный стенами низкий коридор со сводчатым потолком. Появился незнакомый запах. Пол везде представляет собой мелкоячеистую решетку. Стены

неопределенного голубовато-розового цвета. Такого цвета на Земле нет. И во всей Солнечной системе – тоже.

Пошел по коридору. Он загибался вправо по кольцу. Это была анфилада. Время от времени коридор выходил в круглое помещение со всевозможными установками неизвестного назначения. По-моему, все помещения и их начинка были совершенно одинаковы. Но братьев по разуму нигде не было. Я опять пребывал в одиночестве. Мне стало грустно.

Некоторые помещения показались мне любопытными. В них, в центре, на высоком постаменте в окружении всевозможных труб, приборов, панелей, возвышался прозрачный шар с метр диаметром. Но главное – внутри шара. Он был заполнен маслянистой зеленоватой жидкостью, в которой плавал пульсирующий комок. Мне показалось, что это живое... вроде эмбриона. Со дна сосуда поднимались серебристые пузырьки. Когда один такой пузырек коснулся «его», он вздрогнул и пульсация ускорилаь, а цвет из песочного стал желто-лимонным. И, кажется, «он» увеличился в размерах.

Такие «сосуды» были в восемнадцати помещениях. Но что это? Какие процессы протекают за прозрачными стенками «сосудов»? Кто следит за ними? Где сам экипаж? Или звездолет – всего-навсего автомат с заданной программой полета? Куда? С какой целью? Почему он уничтожил мой корабль? Так нужно было? Это же невероятная случайность, что именно в тот момент я оказался снаружи, иначе бы...

Много вопросов проскочило в сознании. Но кто даст от-

веты на них? Я единственный биологический и разумный обитатель странного звездолета. Очень странного... Уничтожить чужой корабль и спасти его пилота... В этом не было логики. А, может быть, их логика совершенно не похожа на нашу? И вообще их мышление протекает совсем по другим законам? Впрочем, почему по другим? Спасителем может быть только гуманное существо. Ну не само существо, а запрограммированный им летательный агрегат.

Но и сомнения сильны. Обнаружил бы я незнакомый звездолет. Стал бы я его уничтожать? Зачем? Скорее наоборот. Это же такая встреча! Но я опять философствую вместо того, чтобы искать воду и пищу. Раз они дали мне воздух и привычную тяжесть, значит дадут и искомое.

Я обошел почти весь звездолет. На это ушло часа два. Это был целый город с десятками помещений, нанизанных на сеть коротких коридоров. Лабиринт. Но я не нашел ни гигантских оранжерей, ни спортивных залов, ни жилых комнат. Не нашел я и рубки управления. Во всех помещениях – масса приборов и установок типа компьютеров. Какие-то баллоны, капсулы, датчики, экраны, панели, снова приборы. И эти «сосуды» с эмбрионами... Никаких запасов пищи и воды. Все тут чужое и опасное. Но надо продолжать поиски, если хочешь выжить.

В одном помещении мое внимание привлекли символы, изображенные на округлых корпусах каких-то установок, прикрепленных к стене, – два кружочка по сторонам тре-

угольника. Формула? Похожа на «аш-два-о». Рискнем?

На корпусе множество всяких краников, штурвальчиков, приборчиков. Повернул одно колесико – ничего. Повернул другое – из трубочки закапала жидкость. А... была не была! Кто не рискует, тот не живет. Не все ли равно, от чего умирать. Я подставил рот под трубочку и втянул одну каплю влаги. Почмокал губами – настоящая вода. Ура – я спасен! Пил я долго и удивлялся: вода чистая, прохладная, безвкусная. Наверное, дистиллированная.

Ноги уже гудели от усталости. Я приткнулся между установками на полу и моментально заснул. И тут же открыл глаза. Но усталости уже не чувствовал. Сколько же я проспал? Жаль, что не засекал время. Теперь пора искать еду. Я попил еще раз и вышел в очередной коридор.

В этот момент в абсолютной тишине раздался треск, будто отдирали доску от забора. Потом что-то зазвенело, посыпались стеклянные осколки. Я замер, пристально вглядываясь в конец коридора. Там в очередном помещении что-то происходило. Там кто-то был. Я не видел его, но чувствовал присутствие живого существа. В подтверждение моих предположений послышалось... чихание. Кто-то раза три чихнул. Но не как человек. И животные, известные мне, тоже так не чихают.

Зашлепали по полу чьи-то босые ноги: шлеп... шлеп... Кто-то ходил там. Я пристально вглядывался в конец коридора, но видна была только небольшая часть помещения. Она

была пуста. Но звуки доносились именно оттуда. Теперь они были похожи на чавканье. Что делать? Идти на долгожданную встречу? Ясно, что это был обитатель звездолета. Но почему я его не обнаружил раньше? Где он прятался? От кого? От меня? Глупости! Он здесь хозяин, а не я. В общем, на очереди решение третьего пункта программы-минимума. Была не была...

Потихоньку, стараясь не издавать звуки рифлеными подошвами, я подкрался к помещению и выглянул за угол. Сначала ничего не понял. Казалось, что ничего здесь не изменилось. Но сосуд на постаменте был разбит. Осколки разбросаны по полу. Отвратительно пахнущая лужа под ногами. И... трехпалые следы, ведущие вглубь помещения. Из-за слабого освещения я не сразу разглядел, что там.

Но вот я вышел из коридора, обогнул постамент и увидел... Он, стоя спиной ко мне, присосался к установке на стене. Пил или ел, наверное. Но как он выглядел! Вот он повернулся, и я разглядел его детальнее. Метра два высотой. На двух лапах. Такие лапы, как у ящеров в палеонтологических музеях. Туловище напоминает человечье, но покрыто скелетообразным панцирем. Но ребра накрывали не только грудную клетку, но и живот и всю спину. Голова не человечья. Я не разобрал как следует. Но что-то ужасное. Красные глаза. Пасть с острыми клыками. Раздутые ноздри. Монстр! На ум пришло сравнение: Кощей Бессмертный.

Я, кажется, вскрикнул. Он увидел меня и тоже замер. Так

мы какое-то время молча взирали друг на друга. Но вот он поднял трехпалую лапу и чисто человеческим жестом протер глаза, точно проверяя: не померещилось ли. И пошел ко мне, тяжело переваливаясь с лапы на лапу. А за ним потащился... хвост. Длинный, тяжелый, зубчатый, как у крокодила.

Я выскочил в коридор и помчался, как угорелый, дрожа от возбуждения. Чего я испугался? Его внешности? Но кто сказал, что существа с иных миров будут похожи на людей? Может, он хотел напасть на меня? И сожрать? У него такой хищный блеск в глазах. А у меня нет никакого оружия. Так я оправдывал сам себя и бежал дальше.

Еще одно круглое помещение с «сосудом». И тут я стал свидетелем пробуждения очередного Кощея. На моих глазах «сосуд» развалился. Жидкость фонтанами разлилась во все стороны. Осколки запрыгали по полу, звеня и разбиваясь на мелкие кусочки. А вместо эмбриона на пол сошел живой Кощей только поменьше ростом. Очутившись на полу, он захлопал зубчатым хвостом по луже и издал душераздирающий крик. Это даже и не крик, а какое-то кваканье, рычанье и бормотанье, вместе взятые. Из-под его хвоста к постаменту тянулся шланг или кабель. Но вот он рванулся и отсоединился от него. Освободившись, он устремился ко мне с довольным хрюканьем. Намерения его были вполне очевидны.

Я юркнул в коридор и помчался, не чуя ног. Я знаю себя: стоит только на миг растеряться, как я перестаю соображать и даю волю инстинктам. Почему я побежал? Испугался? Но

где же мое мужество, проявленное в экстремальных условиях Марса и Венеры? Я же не терялся там. А почему здесь я позволил инстинкту самосохранения победить? Я почувствовал отвращение к самому себе.

Коридор окончился очередным помещением. Но здесь все было не так. Во всю стену – экран, а на нем... На фоне звездного неба голубела такая знакомая и такая родная Земля. Возле нее серебрился серп Луны. Я замотал головой, думая, что все это мне просто мерещится. Но нет, все происходило на самом деле. Я попал, наконец, в рубку управления. Вон и что-то вроде пульта под экраном. И даже пилотские сиденья. В одном сидит...

Я попятился назад и ретировался обратно в коридор. Кажется, меня не заметили. Собрался с мыслями. Итак, что же удалось выяснить? Экипаж звездолета появляется из «сосудов». Это разумные существа, хотя и выглядят звероподобно. Их цель – Земля. Мое присутствие на звездолете для них явная неожиданность. Их намерения в отношении меня – неизвестны. Остается установить с ними контакт и доказать, что я тоже разумное создание. И другие вопросы овладели мной. Как это звездолет преодолел расстояние от пояса астероидов до Земли за несколько часов? Не значит ли, что Земля – цель их полета? Мирная ли? Или это агрессия? Кто они: друзья или захватчики? Что они могут сделать со мной? Съесть? Взять в заложники? Заковать в цепи? Сотни предположений. Пока я не войду с ними в контакт – узнать

ничего невозможно. Итак, решено! Иду на Вы...

Коридор внезапно раздвоился, и я свернул вправо. И опять попал в стандартное помещение, правда без «сосудов». Ребристый сферический потолок. Светящиеся стены из неизвестного материала. Решетчатый пол. Масса всяких установок вдоль стен. Я обошел их, изучая. Я хотел есть. Должны же Кощеи чем-то питаться. Если они дышат тем же воздухом, что и я, то и пища могла бы быть одинаковой. Не найдя ничего примечательного, я уже собирался покинуть помещение, как увидел их. Их было двое. Один стоял у входа в левый коридор. Другой – у входа в правый. Путь мне был, как я понял, отрезан. Они внимательно смотрели на меня и время от времени ощеривали свои звериные пасти, издавая квакающие звуки. Так они переговаривались. Вид их не предвещал для меня ничего хорошего. Тем более что они держали в своих трехпалых ручках длинные трубки, нацеленные в меня.

Я пошел им навстречу, что-то говоря, хотя и знал, что меня не поймут. Тот, что стоял слева, покрупнее и свирепее на вид, направил на меня трубку и тоже что-то квакнул по-своему. Спрашивал? Угрожал? Я тоже не понял его, но почувствовал немедленную опасность. И бросился на пол, ударившись лбом обо что-то. И вовремя. Раздался хлопок. Над моей головой пронесся свист, и послышался стук падающего тела.

Осторожно приподнял голову. Один Кощей валялся на

полу. Трубку он выронил, и она подкатилась ко мне. Другой Кощей, казалось, с удивлением глядел на меня. Решение со- зрело моментально. Я схватил трубку, нащупал на конце ка- кие-то клавиши и, наставив на второго Кощея, нажал на них. Выстрела не последовало. Что-то я сделал не так. Но Кощей внезапно исчез. Я бросился вдогонку, но наткнулся на неви- димую, но прочную и упругую преграду. Она не пустила ме- ня в левый коридор. Тогда я сунулся к правому коридору. Обошел труп и обнаружил такую же преграду и здесь. Зна- чит, я оказался в ловушке. Меня замуровали, и теперь скоро должна наступить развязка...

Ну что ж, какой бы она ни была, я сделал все что мог. Тре- тий пункт программы-минимума оказался реализованным таким вот образом. Но почему же тогда звездолет-автомат отнесся ко мне чрезвычайно гостеприимно? Он же букваль- но спас меня. Почему же Кощей не такие? Ладно, пока пе- редохнем и подготовимся к следующему раунду.

Что я должен предпринять в новых условиях? Меня, как нежеланного свидетеля, попытаются убрать. Это очевидно. Их восемнадцать душ, если считать по количеству «сосу- дов». Впрочем, уже семнадцать. Значит – борьба. А что еще? Не ждать же покорно, пока из тебя сделают жаркое. Тем бо- лее что Земля близко, и неизвестно, какие у них намерения в отношении нее. Не зря же они прилетели Бог знает откуда. Не на прогулку же. Раз они охотились на меня, значит будут охотиться и на землян.

Следующий шаг – преодоление барьера. Но как? Попробовать оружие, попавшее ко мне столь драматическим образом? Я стал изучать трубку. Попробовал нажать одну кнопку, другую. Как вдруг из трубки со свистом вырвалось нечто невидимое, и на поверхности ближайшего аппарата образовалась дыра.

Все ясно. Надо нажимать вот эту, беленькую. Я направил трубку на преграду и сделал выстрел. Преграда загустела, стала видимой, на ее поверхности появилась сеть трещин, и она рассыпалась. Выход был свободен.

Теперь второй шаг. Я превращаюсь в охотника. Я должен каким-то образом расправиться с ними или, что лучше, нейтрализовать. Хорошо бы также поймать одного Кощея и заставить выполнить мои приказы. Но это уже из области сказок.

В коридоре я двигался на цыпочках, прижавшись к стене. Трубку держал наготове, как ружье. Настоящий охотник. Но на душе было тревожно и гадко. Не по мне эта охота.

В следующем помещении никого не оказалось. В «сосуде» булькал пузырьками зеленый раствор. Эмбрион здесь занимал большую часть «сосуда». Я выстрелил. Невидимый заряд разнес «сосуд» вдребезги. То же я проделал еще в двух помещениях. Но так не могло быть везде. И вот я встретился с Кошеем, что называется, лоб в лоб. Он вынырнул откуда-то неожиданно, и моя трубка уткнулась прямо в его скелетообразный панцирь. Я первый нажал свою клавишу, и он зава-

лился на стену, грузно сползая на пол. Я подобрал его оружие. Итак, их теперь оставалось тринадцать. Несчастливое число. Но я не суеверный. Первые удачи окрылили, и будущее показалось не столь уж мрачным...

В очередном помещении передохнул, но очень хотелось спать. Мне удалось напиться известным способом. И появилась дикая идея: пробраться в рубку и заставить пилота отключить оружие и приземлиться. Только как отыскать рубку в этом лабиринте проходов и отсеков?

Продвигался я очень медленно, потому что старался ступать бесшумно, подкрадывался к новому помещению и выглядывал из-за угла. Если было пусто, я быстро перебежал помещение до выхода в следующий тоннель.

Однажды я вышел в «прихожую». Толкнулся в выходной люк – закрыто. И подумал: шарахнуть бы из трубки в стенку корпуса. Если пробьет, значит можно уничтожить весь экипаж звездолета. Будет положение безвыходным – попробую.

А пока я шел и уничтожал «сосуды». И опять был бой. И мне удалось уложить еще одного Кощея. Я наткнулся на барьеры, возведенные неизвестно из чего и как. Преодолевал их, выстреливая из трубки, и снова устремлялся вперед. Не знаю, сколько времени прошло в поисках рубки. Запомнить все ходы здесь было невозможно. Но я все-таки нашел ее. У входа стоял наготове Кощей. Он ждал меня. Его я уложил сразу, пока он поднимал свою трубку. Другой сидел в пилотском кресле без оружия. Увидев меня, он задрожал и попы-

тался встать. Я пощекотал его концом трубки, и он из серого стал фиолетовым.

На экране совсем близко проплывала Земля. Краем глаза я видел клочки облаков, синие океаны и ржавые пустыни. Так видит Землю космонавт с орбиты в 300 километров.

– Ну – сказал я Кощею. – Что мне с тобой делать?

Он протянул мне какой-то предмет вроде портсигара с глазком посередине.

Я с недоумением взял. Что он хотел этим сказать?

– Что это? – машинально спросил я.

Из портсигара послышался хриплый голос с металлическим тембром. Он говорил на моем языке:

– Это переводчик. Что вы хотите?

– Вы летите на Землю?

– Да, но...

– Хватит болтать! Немедленно разоружиться – и на посадку. Если хочешь, конечно. Или я продырявлю корпус, и вы все сдохнете тут...

– Меня будут презирать...

– Живого, а не мертвого.

В рубку ввалился еще один Кощей с трубкой в руках. Вид у него был ужасен. Изо рта валил дым. Челюсти щелкали, словно от голода. Хвост бился об пол с каким-то деревянным стуком. И опять я опередил. Все-таки есть еще сноровка разведчика. Не всегда же я работал каботажником. Бывали времена...

Он остался лежать у порога рядом со своим соплеменником. Мой визави наклонился над панелью, защелкал кнопками. Засветились индикаторы. Что-то зашуршало за экраном. Земля стремительно понеслась на нас...

* * *

Пресс-конференция в Академии наук. Журналистов – битком. Сверкают без конца фотовспышки. Микрофоны на штоках протянулись, как пики, в сторону президиума, за которым восседают ученые. Солидный академик объясняет:

– Это был космический корабль инопланетян. Установлено, что целью их полета являлась Земля. По расчетам их полет продолжался пять тысяч лет. Они уже почти достигли орбиты Луны, как совершенно неожиданно изменили курс и удалились в сторону соседних звезд.

Посыпались вопросы:

– Сколько же поколений должно было смениться за время полета?

– Нисколько.

– Чушь собачья! Жизнь любого органического существа не может длиться тысячи лет. Бессмертия, как известно, не существует.

– Бессмертие невозможно. Но как вам такое предположение? Просто звездолет был необитаем. Он может лететь миллионы лет. Автоматика защитит его от всех превратностей

столь долгого полета. Но вот цель достигнута. Корабль выходит на орбиту. Автоматика дает сигнал сложному устройству. Включается техника абиогенного синтеза. По информационной модели реального космонавта начинает строиться его биологическая копия. Оригинал давно уже сгинул во времени, а его точный двойник воскрес здесь за миллионы парсек от дома. Его психика возрождена блоками памяти компьютера. Эмбрион развивается точно по матрице. Нам эта технология еще незнакома.

– Но, если их цель – Земля, что могло заставить их изменить курс?

– Об этом мы можем только гадать. В настоящее время звездолет уже преодолел границу Солнечной системы.

В логове ритиянцев

Николай вошел в лес. Солнце уже село за верхушки деревьев, и наступила вечерняя прохлада. В лесу еще более сгустились вечерние сумерки. Птицы уже не пели. И вообще царила сплошная неуютная тишина, настоящая на остром запахе прошлогодней листвы и лесных цветов. На душе было тревожно.

– В самом деле, – подумал он, – нужно было выйти хотя бы на час раньше. А все Вовка: посиди да посиди. Год не виделись. Немножко подогрелись, но самую малость. Разговорились. Вспомнили одноклассников. И вот: уже вечер. От поселка до города, где он живет, – не более пяти километров. Но дорога идет через лес. Правда, лес – так себе: березовый перелесок, усадьба лесника, молодые посадки и уже почти на выходе – старый ельник.

Николай прошел уже половину леса, как вдруг налетел ветер, раскачал верхушки деревьев. Откуда-то появились тучки, закапало. Погода стремительно портилась. Быстро стало темнеть. Разрасталась безотчетная тревога. Он ускорил шаг, а потом почти побежал. Только бы скорее миновать хвойный участок, а там, на опушке – спортивная база. Там можно, в крайнем случае, от дождя спрятаться, попить, отряхнуться. База, наверное, пуста. Впрочем, иногда под вечер сюда наезжает местное начальство развлечься подальше от гласности.

В основном база работает зимой – лыжи напрокат выдают.

Совсем близко оглушительно громко, как показалось Николаю, треснул сучок или сухая ветка. Он вдруг испугался чего-то, хотя трусом себя никогда не считал.

Но вот старые ели все реже и реже. Пошел подлесок. А вон виднеется и двухэтажное здание спортбазы. Дальше лес кончается, через дорогу, вдоль опушки – поле, а там уже видны электрические огни близкого города...

Во всех окнах спортбазы горел свет. Так и есть: нагрянули сюда на отдых. Могут и не впустить. Начальство это умеет. Ну что ж, можно забежать под навес. А дождик не проходит. Волосы, лицо и плечи уже мокрые. Или не стоит пережидать? Дождь, видимо, надолго. А ночью идти удовольствие небольшое. Итак – напрямую...

И тут Николай замер от неожиданности. Прямо в центре поляны перед спортбазой он увидел дискообразное сооружение на четырех опорах. В диаметре метров двадцать, не меньше. Точно две тарелки наложили друг на друга.

Что это? Неужели НЛЮ? У Николая от удивления округлились глаза и открылся рот. Он всегда считал «летающие тарелки» продуктом досужего трепача. Но тут сомнений быть не могло. Это оно... ни на что земное не похожее. Значит, все-таки прилетели? А где же они сами?

Позади зашлепали чьи-то босые ноги. Николай стремительно обернулся и чуть не упал от неожиданного явления. Перед ним стоял совершенно голый человек с огромным но-

сом. Косматая грива до плеч. Хищный блеск маленьких светящихся глаз. Мохнатые кривые руки.

– Снежный человек! – пронеслось в сознании. А тот оскалил клыкастую пасть и бросился на Николая. Не успел оглянуться, как был скручен железными ручищами. Попытки вырваться ни к чему не привели. Его погнали к спортбазе. Вот и вход. Яркий свет сначала ослепил. Постепенно Николай освоился и увидел себя в помещении, где раньше выдавали напрокат лыжи. Теперь же посередине комнаты стоял грубо сколоченный стол. На нем – большие куски сырого мяса. Несколько обезьяноподобных существ сидели за столом и жадно уплетали это мясо, разрывая его руками. Кровь стекала с их вывернутых губ. Корявые пальцы тоже были в крови.

Увидев вошедших, все оставили еду и уставились на них красными зрачками.

– Пришельцы! – догадался Николай, и тут увидел нечто такое, от чего у него помутилось сознание, и он чуть не упал в обморок. На столе из груды мяса торчала мохнатая, почти человечья, нога. Неужели они жрали себе подобных?

Николай закрыл глаза. Его чуть не вырвало. Но тут же почувствовал, что его схватили крепкие руки, мгновенно скинули всю одежду и голого потащили к столу. Николай закричал от ужаса. Но его уже повалили на стол, и те же грубые, волосатые ручищи стали ощупывать со всех сторон.

Раздался грозный рык. Кто-то сдернул его со стола и поставил на пол. Николай очнулся и увидел, что один невооб-

разимо уродливый пришелец внимательно изучает его тело, особенно причинное место. Ему стало стыдно своей наготы, и он попытался загородиться ладонями, как это делают все мужики. Что их заинтересовало? Сами-то они – в чем мать-природа создала. Все подряд – мужики. Или самцы? Все признаки налицо.

Урод-пришелец откинул его руки и стал изучать гениталии. И тут Николай не выдержал. Собрав все силы и смелость, он ударил эту гориллу прямо в зубы. Тот отлетел назад в толпу своих сородичей. Все заорали что-то по-своему и надвинулись на него. Николай рванул к первой попавшейся двери, вылетел на лестничную площадку и помчался наверх через две ступеньки. За ним с диким воем неслась орда людоедов.

Николай влетел в кабинет завбазой и захлопнул за собой дверь. Замок щелкнул, и он перевел дух. Здесь он на какое-то время в безопасности.

– Милости просим, – раздался чей-то голос за спиной.

Николай нервно подскочил и увидел, что кабинет превращен в некое подобие химической лаборатории, а за рабочим столом стоит интеллигентного вида пришелец в халате и, что удивительно, в очках. В обыкновенных земных очках. Только в лице было что-то неземное. Очкастый пришелец подошел к нему и на вполне русском языке сказал:

– Ну, располагайтесь, что ли. Вы уж извините за такую встречу. Предполагалось совершенно иное. Так уже вышло.

При входе в зону вы не испытали никаких неудобств?

– Какую еще «зону»? – еле выговорил Николай. – Я шел домой. Увидел «тарелку». А тут на меня напали и...

– Поверьте, это произошло совершенно случайно. Мой подопечный вышел в зону и принял вас за свою добычу.

– Я вижу, Вы гуманоид. Но кто бы вы ни были, ради бога, спасите! Меня хотели съесть ваши... товарищи.

– Это не товарищи. Это синтетические Вины. Они созданы мною, но неудачно. Каннибализм отвратителен. Но другого выхода у меня нет. Они не имеют права на жизнь. Им и так удается время от времени удирать от меня. Они уходят в малонаселенные места и избегают контактов с людьми, в страхе быть съеденными или переработанными. Но зато они охотятся друг на друга. Другой пищи они просто не знают. Вы зовете их «снежными людьми». Кстати, вы не биолог?

– Строитель. Но какое это имеет значение...

– Имеет, имеет, – заверил цивилизованный пришелец. – Но присядьте. Я должен посвятить вас в наши проблемы. Тем более что без меня уйти отсюда вы все равно не сможете. Да, я специально отключил защиту зоны, как только увидел вас на входе в лес. Иначе вы ничего бы не заметили. Прошли бы мимо и остались в полном неведении о приземлении «тарелки», как и многие ваши сородичи, гуляющие в этом лесу. Наверное, удивляются: куда это делась спортбаза? Но дело не в этом. У меня к вам, как вы догадываетесь, деловое предложение.

– Итак, – осмелел Николай, поняв, что съесть его здесь не будут, – я хочу домой. Уже темнеет. А мне еще до города топать и топать. Меня ждет жена... дети.

– Жена? Дети? Очень интересно! У вас, у людей два пола: мужской и женский. Очень просто. У нас же, у ритиянцев все сложнее. Кстати, Рития – это третья планета звездной системы Бетельгейзе. Так вот. Мы прилетели на Землю три года назад. Но именно в этот лес – второй день всего.

– Все это чертовски интересно, – воскликнул Николай. – Но не будете же вы держать меня здесь до самой ночи?

– Зовите меня Бэк, – неожиданно предложил пришелец. – Я еще не закончил. Итак, нас осталось только двое натуральных ритиянцев – последних потомков переселенцев. Чтобы род наш не исчез, мы синтезируем себе подобных, но – увы... Вы скажете: зачем? Дело в том, что у нас не два, а три рода: воки, вины и гуты. Гуту должны сначала оплодотворить вины, а потом воки. Только тогда гута родит нормального ритиянца. Я – вок. Со мной – гута. Но не сохранилось ни одного вина. А без него я бессилен. У нас с гутой не будет детей. Поэтому мы синтезируем именно винов. Но они получаются бесплодными. Что делать! Наша наука тоже не всесильна. Когда я увидел вас... Блестящая идея! Нет, я не отдам вас на съедение. Я предложу... Впрочем, пройдемте в соседнюю комнату.

И он повел бледного Николая в другое помещение, где раньше была комната отдыха. Там все оставалось по-прежнему.

му: диваны, кресла, телевизор, ковры, люстры. Навстречу им поднялась женщина почти земного облика с довольно изящными формами и чистым, даже привлекательным лицом. Но какие мохнатые руки и ноги... И совершенно обнаженная. Никаких признаков одежды.

Бэк заговорил с ней, отчаянно жестикулируя. Та внимательно посмотрела на Николая, и ему показалось, что она улыбнулась. Николай поежился, прикрылся и отступил к дверям. Гута легла на диван в соблазнительной позе. Бэк обратился к Николаю:

– Не будете ли вы любезны совершить с ней соответствующий биологический акт. Это очень важно. Вы должны заменить нам недостающее звено – вина. Поймите: речь идет о спасении целой цивилизации. Разумная жизнь так редка во Вселенной.

Николай вспыхнул от сложного чувства стыда, обиды и возмущения:

– Неужели вы рассчитывали на мое согласие?

– У вас нет другого выхода.

– Иначе вы меня не отпустите? Так? Но это же насилие!

Если вы – гуманоид...

– Вы не поняли, – возразил Бэк. – Речь идет о спасении цивилизации. Все средства для достижения этой цели являются с нашей точки зрения гуманными и морально оправданными. Вы же не хотите быть съеденным? Или чтобы из-за вас погибла цивилизация? Это было бы действительно негу-

манно.

– Я требую, чтобы меня отпустили. Не для того встретились два разума, чтобы меня насильно скрестили с этой...

– Не упрямитесь, – настаивал Бэк. – Я вам предлагаю не развлечение. Это жестокая необходимость.

– А я протестую! – возопил Николай, пятясь к дверям.

Но Бэк вцепился в него и потащил к дивану. Николаю удалось вырваться. Он подскочил к окну и, не раздумывая, разбил кулаком стекло и вынырнул наружу. Осколки брызнули во все стороны и остро полоснули плечо.

И вот он уже на траве, голый и взвинченный. Руки-ноги целы, а на порезы и ушибы можно не обращать внимания. Теперь – как вырваться из «зоны»?

Почти стемнело. Дождь все моросит. Ветер раскачивает макушки старых елей, и те издают противные скрипы. Он устремился к опушке.

В доме послышались крики, захлопали двери. Толпа ригтианцев выбежала на поляну. Николай попятился за «тарелку», но преследователи разбились на несколько групп и замелькали по всей поляне. В вечерней тишине отчетливо слышались их хриплые нечленораздельные выкрики, рычания и топот голых ступней.

Николай быстро, как только мог, поспешил в промежуток между силуэтами инопланетян прямо к опушке, намереваясь выскочить из леса в заросли вико-овсяной смеси, которой было засеяно колхозное поле от леса до самого города.

Он совсем забыл о существовании силового барьера, окружавшего поляну с «тарелкой» и спортбазой.

Но ритиянцы словно видели его в полумраке и быстро догоняли. И тут Николай уперся спиной в эластичную прозрачную стену. Она сжалась от напора тела и, как батут, отшвырнула Николая назад. Он ударился лбом о ствол ели, и в его глазах вспыхнули искры. А ритиянцы – вот они. Их черные сутулые силуэты с расставленными в поиске руками-крюками были совсем близко.

Тогда он ухватился за нижнюю колючую ветвь и полез по сырому и скользкому стволу, обдирая локти и колени. Ель завибрировала. С верхних веток упали капли воды. Но он упорно лез вверх и остановился только тогда, когда ствол стал совсем тонким и согнулся под тяжестью человека.

Внизу пыхтели и ворчали недоделанные вины. Они пытались взобраться на ель, но не умели этого делать и соскальзывали вниз, обдирая руки и вопя. Потом сразу все стихло. В шуршащей и морозящей тишине раздался просительный голос Бэка:

– Человек, подумай. Не спеши. Из зоны тебе не уйти. Но я выпущу тебя с одним условием. Если сексуальный опыт окажется удачным... Ты понимаешь? Две великие цивилизации сольются в родственных объятьях и дадут новое потомство, которое ждет великое космическое будущее. У нас есть что передать вам, у вас – нам.

Нагой, озябший и промокший насквозь Николай отклик-

нулся:

– Почему бы вам не объявить землянам о своем прибытии? Вместе мы что-нибудь придумали бы. Без насильственного спаривания. Вы подумали о моих чувствах, о нравственности, о биологической совместимости наконец? Я же не кролик, а человек.

После недолгой паузы Бэк ответил с грустью:

– А Вы подумали о моем положении? Я последний вок Ритии. Во всей Вселенной – последний. Я занесен в красную космическую книгу. О совместимости? Но ты же видишь, что я не отличаюсь от тебя ничем. У нас с тобой одни и те же белки, клетки, органы, физиология. У нас красная одинаковая кровь. Я знаю это точно. За три года я много изучал землян. Особенно близки вы именно к винам. Я долго колебался, прежде чем начать этот эксперимент. Я не сомневаюсь в успехе. Время настало. Я мог бы применить и насилие. У меня есть методы. Но это в самом крайнем случае. Это не в моих правилах. Мы должны договориться...

Николай в отчаянии возразил:

– Наши ученые обязательно придумают способ продления вашего рода.

– Но мы не можем открывать свое присутствие на Земле. Еще не пришло время. Нас могут неправильно понять.

Чтобы его лучше было слышно, Николай стал спускаться ниже, и вдруг нога скользнула по мокрой поверхности разлапистой ветки, и он полетел вниз, ударяясь о сучья. Упал и

остался лежать недвижимо, боясь пошевелиться или издать звук. Его колотила нервная дрожь. Он был готов ко всему.

– Все, конец, – подумал он.

И, правда, раздался торжествующий вой людоедов, и они бросились к нему. Бэк сказал что-то громкое и резкое. И стадо замерло. Бэк подошел к Николаю.

– Хорошо, – сказал он. – Я отпущу тебя. Мы полетим на Луну. Мне остается жить немного. За это время я должен создать настоящего вина. А ваши ученые? У меня есть причины не доверять им. Это вы-то гуманоиды? С вашими атомными бомбами, отвратительной экологией, непрерывными войнами и распрями? Это у вас мораль? Да ваше общество еще не вышло из варварства. Я не верю вашим ученым, да и в общественный разум тоже. Прощай! И забудь обо всем.

Он что-то поднес к лицу Николая, и тот почувствовал приторный запах. И потерял сознание.

* * *

...Спортбазы он не увидел и подумал, что вышел из леса правее. Дождик все сеялся. Почти стемнело. Он перешел дорогу и по узкой тропинке поспешил через вико-овсяную смесь к близким городским огням.

– Хорошо, – подумал он, – что прошел лес без приключений. Правда, рубашка вся промокла. К десяти, наверное, дома буду. Заждались мои, небось...

* * *

Бэк ласково погладил мохнатую руку Гуты.

– Ну вот и свершилось. Не волнуйся. Я думаю, что его сперму мне удалось ввести в твое лоно удачно. Он, конечно, ничего не помнит. А теперь и мы можем с легким сердцем и надеждой исполнить свой долг.

Двое на острове

1

– Что это за земля там, почти у горизонта? – спросила Анна.

– Кажется, остров, – ответил Рон, сощутив глаза и пристально всматриваясь в морскую даль, залитую солнечным светом.

– Это необитаемый остров, – сказал Бриг.

– Как интересно, – загорелась Анна, и глаза ее цвета темного пива лихорадочно заблестели.

– Анна, – сдержанно заметил Рон, – наш отпуск только начался. Мы здесь всего третий день. Все впереди.

Но Анна уже теребила Брига:

– Скажите, капитан, вы знаете, что это за остров?

Тот с готовностью разъяснил:

– Его называют островом «робинзонов». Там действительно никто не живет. Да там и негде жить. По сути дела, это всего-навсего кусок суши длиной не более трехсот метров и около ста метров в самом широком месте. В плане он похож на лист тополя. В узкой части – сплошной песчаный пляж. К центру остров повышается. Там растет трава и какие-то жалкие кустики. Зато в широкой части возвышается

скала из ракушечника высотой до сорока метров. У подножья скалы – целый лес, а в лесу есть хижина. Много лет назад ее построили рыбаки. Остров пользуется дурной славой среди местных жителей, и они редко посещают его. Рыбаки, по случайности.

– Но почему, почему? – горя нетерпением, спросила Анна, изнывая от любопытства.

– Кто знает, – пожал плечами Бриг. – Я плывал каботажем в этих водах двадцать лет, и все время слышал всякие легенды о людях, побывавших на острове. То они заболели странными болезнями, то разорялись, то умирали. Разное говорят.

– Далеко он от берега? – не отставала молодая женщина.

– От пристани Грин-хилла напрямую не более двух миль.

Можно переплыть.

– О, Рон, – обратилась она к своему другу. – Я хочу побывать на нем.

Рон снисходительно улыбнулся:

– У него дурная репутация. Смотри отсюда. Там пусто и скучно.

Анна даже топнула ногой:

– Противный. Я хочу поехать на остров. Скажите, капитан, как быстро можно доплыть до него?

– Ну... Если на катере, то за несколько минут. И на яхте не более десяти минут. А вплавь не рекомендуется: течение снесет в открытое море.

– Я видела на пристани несколько яхт. Можно договориться. Мы бы заплатили.

– Яхта есть и у меня. Но это рискованно. Я уже рассказывал. Я бы не хотел, чтобы с вами что-нибудь случилось. Даже после того как вы уедете.

Рон положил руку на плечо Анны:

– Вот видишь, дорогая, Бриг знает что говорит.

Анна обиделась:

– Ты – трус. Да-да, трус. Ты сманил меня в Грин-хилл, обещал отличный отдых...

– Разве здесь плохо? Приличный отель. Много зелени и цветов. Совсем мало отдыхающих. Тихо и спокойно. Разве ты не мечтала о покое?

– А теперь я мечтаю об острове. Я авантюристка.

– Ну, хорошо, – сдался Рон. – Если засчитать плавание до острова на яхте за приключение, то можно попробовать.

– Вот и отлично, – повеселела Анна. – А у капитана есть яхта.

– Анна, – остановил ее Рон. – Как можно? У Брига свои планы.

Бригу нравилась Анна с первого же дня их знакомства на пляже, куда он заходил иногда в поисках общения. Пенсионеров всегда тянет к людям. А на пляже знакомство завязывается быстро и непринужденно. И вот уже третий день они приглашают его на прогулки. Он отличный рассказчик, и молодые люди с удовольствием слушают его бесконечные

морские байки.

– Нет, почему же, – после некоторого раздумья сказал Бриг. – Яхта на ходу. Трех она потянет. Но... я вас предупредил.

– Вы только подогрели наше любопытство, – сказала Анна, улыбаясь. – Я бы согласилась пробить там весь день. А что? Захватим припасы, и утречком...

– Договорились, – пообещал Бриг, радостно поглядывая на нее. Ну как он мог отказать этой длинноногой зеленоглазой блондинке, шумной, веселой и слегка капризной. Он даже завидовал Рону. Тот, напротив, чаще всего молчал. Но тоже по-мужски красив. Баскетбольного роста, узкое волевое лицо, серые холодные глаза. Но на самом деле он добр и очень умен. Работает в каком-то научном учреждении. А она – всего-навсего манекенщица. Что их связывает? Ее красота? Его ум?

Рон подвел итог:

– Если Бриг не возражает, завтра утром мы будем готовы.

– Одно условие, – заметил Бриг. – Днем у меня полно дел. Я вас отвезу и вернусь. А к вечеру заберу назад.

– О'кей! – рассмеялась Анна.

2

Они высадились на пляже. Яхта уткнулась в песок недалеко от берега. Пришлось переносить вещи по колено в во-

де. Громко взвизгивали чайки, кружась над ними. Грин-хилл отсюда казался гроздью рассыпанных в зелени белых зерен домов. Он еще спал. Солнце только поднималось в стороне от города и не заглядывало еще в тенистые улочки. Море слегка качалось.

– Ждите часов в пять, – крикнул с яхты Бриг. – А, может быть, и раньше, если давление будет продолжать падать. Что-то эти облака на горизонте мне не нравятся. Как бы чего...

– Шторм? – громко спросил Рон, затаскивая на небольшой пригорок толстый рюкзак.

– В любом случае, я успею, – ответил Бриг, заводя парус.

– Мы на Вас надеемся, – крикнула Анна.

Яхта развернулась и стала быстро удаляться от острова. Белый парус ее был хорошо заметен на сером полотне воды.

– А теперь, – сказал Рон, – начнем знакомство с островом. Вот лес. Впрочем, это сильно сказано. Так – рощица в десятков деревьев. Позади нее – белый утес с плоской вершиной. А среди деревьев я вижу рыбацкую хижину. Идем принимать хозяйство?

Рон перекинул рюкзак через плечо, и они пошли по песку. Идти было трудно – песок оказался очень рыхлым. Потом пошла трава, и идти стало легче. Пришлось продирааться сквозь колючие кусты. И вот они вступили под сень редких деревьев со скрюченными от ветров ветвями. Листьев на них было мало и тень они давали не густую. Действительно, недалеко от склона горы стояла полуразвалившаяся де-

ревянная хижина. Крыша кое-где провалилась. Дверь повисла на одной петле. Единственное на фасадной стене окно было застеклено. Стекло, вопреки всему, сохранилось.

Молодые люди вошли в дом. Потолок и пол оказались целыми. Еще одно окно выходило в сторону моря. Оно тоже оказалось застекленным. Здесь оказались даже грубо сколоченный стол и скамья. А у стены стояла тумбочка, в которой путешественники обнаружили соль, спички, лампу и горбушку твердого заплесневелого хлеба. Анна захлопала в ладоши:

– Как романтично! Я давно мечтала о чем-нибудь подобном. – Потом она заглянула в окно: – Смотри, Рон, отсюда виден весь остров. А вот отсюда – бесконечное море. Сколько его много! Больше, чем в городе. Ты не находишь, дорогой?

Рон водрузил рюкзак на стол и присел на скамью. Полюбовался на Анну и предложил составить план дальнейших действий. Анна откликнулась:

– Во-первых, купаться. Во-вторых, обойдем остров по периметру. В-третьих, поднимемся на скалу.

Рои продолжал любоваться ее гибким упругим телом, распущенными до пояса пышными волосами, белозубой улыбкой. На ней был летний брючный костюмчик. Он делал ее еще стройнее и моложе. Рои любил ее и подумывал о женитьбе.

Они пошли купаться. Стесняться некого. Они полностью

обнажились и долго шли в море по мелководью, взявшись за руки, навстречу солнцу. Потом они шумно плескались в воде, как дельфины, и занимались любовью – и в воде, и на песке. Потом валялись на пляже просто так. Она положила голову на его живот и счастливая смотрела на чаек, мелькавших в небе. И незаметно для себя заснула. Рон не двигался. Осторожно гладил ее русые волосы, еще не успевшие высохнуть, и был переполнен самыми светлыми и нежными чувствами.

3

Обедали они под деревом, на траве, расстелив скатерть. В доме душно и жарко. На Анне – только бикини, вышедшее из моды. На нем – плавки. Загар еще не успел поселиться на их городской коже, и они были по северному белые и веселые. Любой пустяк вызывал смех. То Рон вывалил содержимое консервной банки на землю. То у нее лопнула застежка на лифчике, и он упал, обнажив небольшие, правильные формы груди с острыми сосками. Еды было вдоволь. Напитков – тоже.

Наевшись, они убрали остатки в полиэтиленовый пакет, а потом в рюкзак, и отнесли в хижину. А сами пошли бродить по острову. Они шли по отмели от пляжного мыса к скале. На это ушло не больше десяти минут. Под лесом пляж кончился, превратившись в груды камней и гальки. Под скалой

берега вообще не было. Скала уходила в воду почти отвесно. Дно здесь тоже было глубоко.

Дойдя до края, они стали подниматься по крутому берегу вверх, цепляясь за острую траву вроде осоки. Взобрались к подножью скалы и прислонились к ее ноздреватой теплой стене спинами. Они блаженствовали.

– Кажется, поднимается ветер, – констатировал Рон.

– И правда, стало прохладней, – откликнулась Анна.

Рон посмотрел на небо. Там на северной стороне белели груды кучевых облаков. Он сказал, показывая на них:

– Бриг опасался чего-то. Эти облака движутся на нас.

– Чепуха, – отмахнулась Анна. – Полезли наверх.

Он нехотя согласился, то и дело поглядывая на облака. Подъем был несложен, хотя и крут. Множество трещин и выступов облегчали восхождение. И вот они влезли на вершину, где можно было разместиться двум-трем людям. Отсюда открывался восхитительный вид на остров, на берег и на море. Действительно, остров очертаниями напоминал лист. Видна крыша хижины, пляж, кривые ветки и стволы деревьев. Легкие волны накатывают на песок и с шипением возвращаются назад. Чайки падают в воду и выдергивают из нее рыбешку. Тихо и ветрено. Солнце находилось в самом зените. Пахло водорослями и солью.

Спускались они по более пологому склону прямо к хижине. На середине склона оказалась самая настоящая и вместительная пещера. Они влезли в нее на корточках и уселись,

почти упираясь головами в свод пещеры.

– Здорово! – восхитились Анна. – Здесь можно прятаться от дождя.

– Лучше бы не дошло до этого, – заметил Рои.

Погода портилась. Ветер еще усилился. Солнце уже задергивалось тонкой пеленой. Они поспешили вниз. В хижине было тихо. Ветер сюда не проникал. Выдержат ли стены, если вдруг разразится шторм? Они оделись.

– Я поднимусь, посмотрю: не плывет ли Бриг. По-моему, самая пора.

4

Однако между островом и берегом не было видно ни одного паруса, ни одной лодки. Никто не спешил снимать путешественников с острова «робинзонов». Ветер, между тем, все усиливался. Море рассерженно шевелилось и накатывало на пляж тяжелые валы, с неохотой сползающие обратно в свои пучины. На гребнях волн уже появились небольшие барашки. Небо затянулось серой пеленой, и солнце только угадывалось по более светлому прогалу. Рон услышал голос Анны. Она кричала ему снизу:

– Что там, Рон?

Он крикнул в ответ:

– Брига не видно!

Он поспешил вниз. Едва он закрыл за собой дверь, как

грянул ливень. Мир за окном исчез за сплошной водной завесой. Они сели на скамью, прижавшись друг к другу. Рон считал нужным прояснить обстановку:

– В такую погоду никто не рискнет плыть к острову. Или он опоздал, или что-то помешало вовремя отправиться к нам. Придется пережить здесь. Но сколько?

Анна еще не прониклась серьезностью ситуации:

– Мне не страшно. Ты рядом, сильный и смелый. А для меня это только приключение. Самое настоящее. Интересно, долго оно будет длиться? Доберется ли Бриг к нам до ночи? Не правда ли, как романтично – нас надо спасать?

По крыше загрохотало что-то тяжелое. Рон приник к окну. Но падали не камни. Какие-то круглые, белые комки размером с куриное яйцо. Град? Но почему комки не отскакивают от земли при падении, а шлепаются, как тесто? Особенно много их было на пляже. Он весь покрылся белым налетом.

– Неужели это град? – спросила Анна, подходя к нему.

– Это яйца, – прошептал Рон.

– Ты о чем? – не поняла Анна.

– Это не град. Похоже, но не град. Я сейчас...

Он вышел наружу и вскоре вернулся, неся в руках нечто белое и глянцевитое, похожее на птичье яйцо. Рон положил его на крышку стола.

– Попробовать разбить?

– Может, не трогать его, – поежилась Анна. Яйцо было неприятно ей. От него шла неведомая пока угроза.

Но Рой вытащил из рюкзака нож и ударил по яйцу. Раздался хлопок, как будто из бутылки вылетела пробка. В яйце оказалось нечто живое: длинное, хвостатое, с множеством ног и круглой головкой на тонкой шее. Оно было белое, скользкое, противное. Оно шевелилось и пугало зубастой пастью.

– Какая мерзкая ящерица! – крикнула Анна. – Я боюсь. Выброси ее!

Рон рассек многоножку пополам и выбросил наружу. Он понимал, что в сотнях яиц на острове заключены точно такие же зародыши неизвестных существ, и еще неизвестно, как скоро они начнут вылупляться. Что они будут делать тогда? Судя по зубам, это хищники. Кто же будет их добычей, если на острове водятся только мелкие крабы? Тут есть о чем подумать. Ни в каких книгах, кино, телепередачах он не встречался с данным видом. Кто они: рептилии, земноводные, насекомые? Откуда они взялись? Яйца летели с неба. Смерч может втянуть в себя разные предметы с земли, перенести их на сотни километров и сбросить вниз по мере своего успокоения. Но над островом не было смерча. Вопросы и вопросы...

Он снова вышел из хижины и тут же вернулся назад с взволнованным лицом. Глядя на него, Анна тоже испугалась. Они никогда не видели Рона таким возбужденным.

– Что там, Рон?

– Они... Они появились.

– Кто? – не поняла Анна.

– Эти многоножки. Яйца лопаются, и они выползают. Их много. Они расползаются во все стороны.

Анна сжалась и побледнела.

– Рон, я боюсь. Что же делать? Придумай что-нибудь.

– В конце концов, ты искала приключений. Вот тебе – целая охапка.

– Не груби, Рон, – примирительно попросила она. – Кто мог предположить? Ты и сам не знал.

– Ладно, помолчи, – сказал Рон. – Без твоих причитаний тошно.

Крепко прикрыл дверь и задвинул засов до отказа.

5

Первая многоножка появилась на окне с той стороны стекла. Она прижалась белым брюхом к стеклу и растопырила двенадцать коротких кривых ножек. Каждая ножка кончалась тремя тонкими гибкими пальцами. Существо вертело своей головкой с зубастой пастью, словно выискивало добычу.

– Какой ужас! – крикнула Анна, пересаживаясь в угол на рюкзак, подальше от окна.

Рон промолчал. Его мучила мысль о Бриге и его яхте. Он же понимал, что в такую погоду нечего и думать отходить от берега. Настоящий шторм.

Другая многоножка проникла в хижину через какую-то щель. При движении она извивалась всем узким телом, точно змея. Ножки ее двигались так быстро, что их не было видно. Она стремительно выползла на середину хижины и замерла, поводя головкой по сторонам. Анна закричала. Рон подкрался к твари и рассек ее ножом одним ударом. Обе половинки долго еще шевелились, точно хотели соединиться.

Рон заглянул в окно. Дождь уменьшился, и стало видно, как многоножки белыми змейками вились в траве, бросались друг на друга и боролись. Они вставали на задние лапки, упирались в землю хвостами, обнимали друг друга и кусались. Рон видел, как одна такая битва закончилась пожиранием победителем своего поверженного конкурента. Они жрали все подряд: траву, кусты, сами себя. Залезали на деревья и уничтожали листья. Страшное зрелище! Рон не стал рассказывать об этом Анне.

«Град» прекратился. Дождь тоже. Но ветер еще дул, шевеля ревматические ветви, усыпанные белыми тварями. А на пляже их стало меньше. Или переели друг друга? Зато на берег из моря напоззало что-то странное, желеобразное, буро-желтого цвета. Вскоре весь пляж покрылся толстой пленкой своеобразного студня. Многоножки с молниеносной быстротой удирали от этой пленки. Нашелся-таки и на них охотник. Еще через полчаса вся хижина была облеплена многоножками, спасающимися от нового хищника. Некоторые неведомыми путями проникали внутрь хижины.

Рон охотился на них с ножом. На полу валялось уже более десятка этих существ. Анна была почти в истерике, но Рону некогда было обращать на нее внимание. Он выломал где-то кусок доски и превратил ее в эффективное оружие. Хлоп – и от твари оставалась только расплюснутая лепешка. Так он охотился около часа. Твари больше не появлялись. Рон присел отдохнуть, вытирая пот с шеи.

Стены хижины тряслись от напора ветра. Рон был наго-тове. Доску положил на стол, чтобы была под рукой. С тре-вогой поглядывал на потолок. Нож засунул за ремень брюк. Анна дрожала в углу и временами тихонечко всхлипывала. Ему стало жаль ее. Но чем он мог утешить свою подругу? Чем обнадежить? Похоже, им придется провести здесь всю ночь. Он встал и подошел к окну.

Бурая пленка задушила пляж и медленно ползла по траве, подминая ее под себя. Она приближалась к хижине. Белых тварей больше не было видно.

Рон подумал, что если так будет продолжаться, то, чего доброго, новая чума дотянется и до них. Что это такое – га-дать бесполезно. Но можно ли с ней бороться? Может быть, огнем? Надо попробовать. Он взял спички, кусок оберточ-ной бумаги и вышел из хижины.

Пленка уже дотянулась до первых деревьев. Вот край ее

лизнул комель одного дерева, и оно вдруг накренилось и с болезненным треском повалилось набок, как срубленное. Пленка поползла на ствол, перевалила через него и потащилась дальше. Вообще-то пленка выглядела мирно. Желе толщиной не более полу фута. Как пережаренный омлет. Но это был живой омлет. Поверхность его пульсировала, шевелилась, как кожа на животном, меняла оттенки. А вся она составляла единое целое, постепенно накрывающее остров живым полотном. Это был агрессор еще более безжалостный, чем многоножки.

Еще одно дерево было повержено и поглощено голодным хищником. Рон попятился к дому, не спуская глаз с новой напасти. Потом решился. Скомкал бумагу и поджег. Сунул пылающий факел в пленку. В этом месте пленка расступилась, отодвинулась от огня и взяла его в кольцо. Бумага догорела, и пленка затянула кольцо. Рон понял, что оно боялось огня. Даже не то, чтобы боялось – просто отступало на время.

Рон поспешил в хижину, тщательно закрыл дверь на засов и сказал Анне:

– Нас ждет еще одно испытание. Не знаю, легче или тяжелей. Оно поглощает всю органику. Хижина тоже органика. Через несколько минут оно доползет до нас. Единственный выход – создать огненный барьер. Желательно подвижный. И им оттеснить пленку назад в море. Материал для огня у нас есть: это наш дом.

Анна собралась с силами и предложила:

– Может, лучше подняться в пещеру? Камни оно не ест.

Там переждем. А утром...

Рон возразил:

– Оно обязательно поползет на скалу и доберется до нас.

По-моему, первый вариант перспективнее. Лучше перейти в контратаку, чем пассивно обороняться.

Согласие было получено, и Рон принялся разрушать хижину. Доски пола и потолка ломались довольно легко. Собралась большая куча древесины. Он поджег конец одной доски, дождался, пока огонь разгорелся, и вынес ее.

Пленка вовсю крушила деревья, подбираясь к хижине. Расстояние от убежища до пленки было не более двадцати метров. Рон положил горящую доску перед шевелящейся кромкой, и та сразу замерла, почуяв высокую температуру. Рон вынес остальные доски, поджег их и выстроил огненный фронт полукругом от хижины. Сухие доски весело и с треском горели почти без дыма. Враг был остановлен.

Рон стал доламывать остатки, кроме стен. Без инструмента их было не разобрать. Он залез на крышу и стал выдергивать стропила и уцелевшую обрешетку. Все это скидывал на землю. Потом вернулся на фронт и стал приводить в действие резервы. Длинной жердью он подталкивал вперед горящие доски, а там, где огонь замирал, кидал новые факелы. Пленка отходила, нервно вздрагивая и светлея. Это была победа. Рон издал воинственный клич и стал кидать огонь

дальше от кромки. Пленка мгновенно образовывала пустые круги, давая дереву догорать на земле. Еще напор, и враг будет сброшен в море. Фронт уже спустился к пляжу. До мыса оставалось каких-то пятьдесят-шестьдесят метров.

И тут случилось неожиданное. Из пленки зафонтанировали струи какой-то жидкости, заливающей огонь. Рон в отчаянии закидывал пленку все новыми и новыми факелами, но фонтаны тут же заливали костры один за другим. Рон понял, что существо нашло способ бороться с огнем. Битва была проиграна, и Рон отступил.

7

– Похоже, ты была права, – сказал Рон. – Придется лезть вверх. Может быть, оно не пустится за нами вслед?

– Я никуда не пойду! – взвизгнула Анна. – Я боюсь. Мы бессильны.

– Какого черта! – впервые он вышел из себя. – Или я потащу тебя силой.

Пока они пререкались, в дверь кто-то заскребся. Рон почувствовал, как спина покрылась мурашками.

– Быстро! – жестко скомандовал он. Сдернул ее с рюкзака и толкнул к боковому окну с видом на море. Куском доски вышиб горбыльки вместе со стеклом. Выглянул.

– Наше счастье, – сказал он, – что оно еще не подошло к хижине с этой стороны. Затем он помог выбраться Анне и

вылез сам. Вытащил из груды обломков целое бревно – бывшую балку, – бросил на плечо и полез вверх за Анной. Спасибо, склон здесь был пологим, и они быстро добрались до пещеры. Бревно он закинул выше.

– Зачем оно тебе? – спросила Анна.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Рон.

В пещере было тесно, но тихо. Отсюда был виден остров, залитый студнеобразной пленкой до самой хижины. Но пленка была не только на острове. Все море, насколько хватало глаз, было залито буро-желтым пульсирующим слоем неведомого монстра.

– Это мутанты, да? – спросила Анна, прижимаясь к нему. – Они появились из воды...

– Или пришельцы, – сказал Рон, изучая пролив между островом и берегом. Волны бушевали, но на них не было уже барашков. Да и ветер тоже стихал. Зато быстро темнело. Заходящее солнце было надежно спрятано в туче. А внизу враг продолжал наступление. Рухнули стены хижины. Началось пожирание органики. Рон чувствовал себя мерзко от бессилия. Он не привык к поражениям. Он всегда находил выход из любого положения. Он открыл новую галактику названную его именем. Он добился любви самой прекрасной женщины в штате. О нем писали в газетах и пророчили блестящее будущее. Он хорошо зарабатывал. Имел полностью выплаченный коттедж с бассейном, две автомашины, акции некоторых компаний. Все было прекрасно, если бы он не

согласился удовлетворить желание этой взбалмошной манекенщицы отправиться на этот проклятый остров.

И все же, надо было искать выход и из этого положения. Он понимал, что скала – не препятствие для хищной пленки. Она, конечно, поползет наверх и тогда... Надо спасаться. Но как? Последний шанс – переплыть пролив. Он отличный пловец. Да и она неплохо держится на воде. Пролив пока свободен от пленки. Можно успеть. Правда, плыть придется в темноте. Но другого выхода у них просто не было. Не погибать же, в конце концов. Решение было принято. Он сказал:

– Анна, тебе нужно взять себя в руки. Так нельзя.

У нее дрожали губы.

– Я постараюсь. Я все понимаю.

– Что ты понимаешь?

– Что оно доберется и сюда. Ее притягивает наш запах.

– Что ты хочешь сказать?

– Ну конечно. Запах органики. Оно чует нас.

– Черт возьми! Ты, кажется, права. Нам надо уносить ноги пока не поздно.

– На вершину? Но это же не выход.

– В море. Ветер стихает, волны – тоже.

– Вплавь?

– Других путей нет. Мы перейдем на ту сторону скалы. Там она почти отвесна. Прыгнем и поплывем в Грин-хилл.

– Ты с ума сошел. Две мили...

– Подскажи другой выход. Да, будет тяжело, очень тяже-

ло. Начало темнеть. Но я буду рядом. Ты можешь положить-ся на меня. Посмотри: пролив пока чист, но это пока. Надо опередить... У нас есть бревно. Оно нам поможет. Ну... вы-лезаем...

8

Ни сидеть, ни лежать на бревне оказалось неудобно. Оно вертелось и сбрасывало с себя ездоков. Тогда он велел Ан-не лечь самой, а сам поплыл рядом, загребая одной рукой и толкая бревно другой. Анна помогала ему, действуя рука-ми, как веслами. Бревно перестало крутиться, и они поплы-ли быстрее.

Темнота надвигалась неумолимо. Берег стал черным си-луэтом. Вода вообще превратилась в ночную бездну. Город зажигал огни и помогал им ориентироваться. Они взяли на-правление выше по течению, но оно оказалось быстрее, чем они думали. Огни Грин-хилла отодвигались влево. Но они казались удивительно близкими...

Что-то дотронулось до Рона. Он вытянул руку, и она углу-билась во что-то вязкое и теплое. Он догадался, что это та-кое. Повернул голову и увидел слегка светящуюся кольшу-щуюся кромку плавающего студня.

– Держись левее! – крикнул он Анне и стал разворачивать бревно в сторону от пленки. Им удалось отдалиться от опас-ности, но ненадолго. Теперь вскрикнула Анна:

– Ой, что это?

Рон поднырнул под бревно и всплыл по другую сторону его. Хорошо, что пленка светилась. Ее край был совсем близко, а отдельные выросты подбирались к женщине на бревне. Рон заметил также, что пленка окружала их. Но впереди еще была чистая вода. На ней уже отражались городские огни.

Рон толкал бревно, отчаянно двигая ногами и руками. Иногда ноги разбивали догоняющий их авангард плоского монстра. Анна гребла из последних сил. Вдруг Анна слетела с бревна в воду, хрипло выкрикнула что-то. Бревно, словно ждало своего освобождения, медленно отплыло в сторону. Пленка тут же набросилась на него.

Рону удалось поймать Анну за ногу. Он стал тянуть ее на себя, но пленка уже захватила ее руки и туловище. Анна захлебывалась и пыталась что-то кричать. Потом она безвольно обмякла и замолчала. Пленка наползала на нее с удивительной быстротой. Рон нырнул и под водой поплыл в сторону берега, чувствуя невыразимый ужас и горечь.

Он выбрался на берег и долго лежал, захлебываясь от слез.

9

Когда Рон, наконец, поднял голову, была полная ночь. В небе не горело ни одной звездочки. Ветер утих. Легкие волны шуршали о прибрежную гальку. Он встал и медленно побрел в сторону города. Что-то показалось ему странным. Он

остановился и стал вглядываться в темноту. Потом до него дошло: в городе не горел ни один огонь. Черная пелена вместо города.

Рон понял, что проклятое чудовище оккупировало Грин-хилл и, возможно, расплзается теперь по всему берегу. Сделав еще несколько неуверенных шагов, он наступил на что-то скользкое, вроде киселя. Нагнулся, потрогал дрожащими пальцами гладкую теплую поверхность и резко выпрямился. Его окружал смертельный враг. Вся земля вокруг излучала слабый флюоресцирующий свет.

– Все, – подумал отрешенно Рон. – Крышка. Всем крышка. Оно победило...

Скользкая масса дотронулась до его кроссовок, помедлила и стала подниматься по ногам, обжигая кожу. Страшная тяжесть навалилась на все тело. Он не мог пошевелиться и стоял как вкопанный, без чувств, без мыслей, без надежды.

* * *

Из сообщений средств массовой информации:

«...Грин-хилл во власти чудовища, вышедшего из моря...»

«...Иноземная форма жизни проникла к нам из космоса. Аррениус был прав... Возрождение теории панспермии...»

«...Скорость перемещения «пленки» достигает пяти миль в час. Через сутки она достигнет Сан-Франциско...»

«...Космическая разведка проморгала инопланетный корабль...»

«...Центр уфологии молчит. Это ‘летающая тарелка’?...»

«...Оно боится огня...»

«...Гражданская оборона страны приведена в полную боевую готовность...»

«...Сбросят ли атомную бомбу на Грин-хилл, или все ограничится напалмом?...»

«...Враг остановлен в пяти милях от Грин-хилла огнеметами. Поразительный эффект...»

«...Сенатор Форет предложил залить эту гадость соляной кислотой и поджечь...»

«...Эвакуация окрестных городов и ферм проходит успешно...»

«...Командование ВМФ сообщает, что сегодня в тринадцать тридцать по местному времени в десяти милях к западу от Грин-хилла на глубине сто двадцать метров подводная лодка США обнаружила на дне моря аппарат неизвестной конструкции. Очевидно, это и есть инопланетный корабль, потерпевший аварию при посадке...»

«...На экстренном заседании Совета Безопасности президент США поставил вопрос о глобальной угрозе со стороны внеземного биологического фактора...»

«...Профессор Стетсон считает ее мутацией одного из видов морской фауны под воздействием отравления мирового океана продуктами индустриальной деятельности людей...»

«...По сообщению жителя Грин-хилла Джона Брига, он вчера утром на своей яхте отвез на остров «робинзонов» молодую пару из Сан-Франциско – Гувера Рона и Анну Гренель, но из-за внезапного шторма не смог забрать их назад. Он считает, что они погибли...»

Благодетель

Дворник, он же вдовец пятидесяти лет, Федор Евстигнеевич Умоплюев, набравшись лишнего ввечеру, спал беспокойно и часто похрапывал. В глубине ночи ему почудились какие-то звуки, вырвавшие его из сна.

– Б... б... б... б... б... б...

– Какого черта! – ругнулся он, просыпаясь и прочищая правое ухо корявым указательным пальцем с давно нестриженным ногтем.

Но звуки не исчезали. Теперь они становились даже сложнее:

– Аб... Кб... Сб... Уб... Тк... Тр... Бб...

Федор Евстигнеевич приподнял нечесаную голову и поглядел во мрак спящей комнаты. Опять ругнулся и сделал какой уже по счету вывод:

– Пора завязывать. Мерещится всякое...

И снова его тяжелая голова упала на смятую подушку. А звуки продолжали донимать его, становясь не только сложнее, но и осмысленнее:

– Город... Дом... Человек... Совесть... Знания... История...

Федор (Будем теперь для простоты так его звать) откинул одеяло и встал босиком на холодный по-осеннему пол без коврика. А тапочек у него отродясь не было. Рассерженный,

невыспавшийся, он тарасился во все стороны, ища источник надоедливового голоса, и убедился, что голос раздается не вне его, а как бы в его собственной голове.

– Тронулся, – подумал Федор и на всякий случай спросил: – Кто тут? Выходи, а то огрею, чем попало.

На его вопрос, естественно, никто не ответил в пределах комнаты. Зато в голове Некто радостно воскликнул:

– Ну, наконец-то! Открыть разум в безднах субмикромиира, постичь их язык и понятия и быть лишенным возможности общаться... И вот – сбылось. Наш Искатель вырвал из бесконечно малой величины один экземпляр разума. Пока – один. И он меня слышит, как и я его. Это эпохальное открытие для Мета-мира.

Федор суетливо перекрестился, перепутав левое плечо с правым, и забормотал молитву:

– Отче наш... Это самое... Иже на Небе и на Земле...

Мужик он был сметливый и теоретически верующий. А теперь теория явственно переходила в область практики. Кто же еще мог говорить с ним таким таинственным образом? Только Господь. Он так и спросил напрямик:

– Это ты, Бог? Неужели я, многогрешный, сподобился? А я еще сомневался. Темный потому как.

И невидимый Голос ответил:

– Нет никакого Бога. Это все от невежества. Выражаясь научным языком, я есть Мировой Разум.

– Один черт, – заключил Федор, садясь на свою жесткую

постель. – Что в лоб, что по лбу.

– Не скажи, – возразил Голос. – Ибо кто такой Бог? Мистическая личность, живущая неведомо где, за пределами материи, и посему никакого отношения к земным делам не имеющая.

– А ты? – спросил Федор. – Ты-то где живешь?

– В Мета-мире, где таких Вселенных, как эта, – многие миллиарды. Я и есть Вселенная. Только не простая, а разумная. Все эти звезды, галактики и прочая мелочь и составляют мой мозг, или мировой информационный центр. Моя мысль находится одновременно в форме некоего поля в любой точке Вселенной.

Федор не выдержал и прервал ночного собеседника:

– Как это весь мир может быть мозгом? Плетешь ты какую-то ахинею, прости господи.

– Твое сознание примитивно, как у инфузории. Но я готов помочь тебе.

– А ты знаешь все? – обиделся Федор.

– Абсолютно все.

– Столько никто не знает. Вот, к примеру, что такое похмелька, чекушка, бодун, посошок, поддаться и раздавить...

Голос сконфуженно примолк, а через минуту заявил:

– Жизнь на вашей микроскопической частичке открыта нами всего сто лет назад. Я лично еще не совсем адаптирован к вашему лексикону.

– Ну и ни фига ты не всемогущий. Так что отвали и дай

мне доспать. Завтра «с ранья» за работу. Листвы навалило – по уши.

Но Голос не сдавался:

– Слушай, человек. Хочешь, я сделаю тебя самым знающим, самым умным, самым просвещенным. Кстати, какую науку ты хотел бы освоить? Стать ученым с мировым именем?

– Ну, блин, и этот за учебу. Я в свое время только до шестого класса дошел с одними двойками. Мне впору не о науках думать, а о том, как пережить кризис в стране и не загнуться до пенсии.

– И все же, – настаивал Голос, – это в моих силах. Станешь математиком, физиком – вот и обеспечишь свою жизнь. И не надо будет больше махать этим... приспособлением для уборки мусора.

– В самом деле? – задумался Федор. – Тут вроде халявой пахнет. Попробовать, что ли? Я вот, когда ночью на небо гляжу, всегда думаю: вот бы столько баксов иметь. Бог с тобой – валяй.

– О'кей, – почему-то по-английски согласился Голос и надолго замолчал. Федору надоело ждать. Да и сидеть на кровати в одном исподнем было и глупо, и холодно.

– Эй, – крикнул Федор, – где ты? Ты же обещал. Вот, блин, народ пошел: пообещают и надуют, как дурака.

– Никуда, блин, не пошел, – снова заговорил Голос. – Я уже все произвел. Сделал соответствующую флуктуацию ин-

формационного поля в области вашей Галактики, и теперь ты – крупнейший астрофизик своего времени, но не больше, а то тебя не поймут и сочтут не в здравом уме. Так что теперь наше общение с тобой упростится. А то мои соседи в других вселенных такие скучные. Да они и устроены по-другому. Не четырехмерный, а пятимерный континуум. Ты теперь отдохни, а завтра встанешь новым Эйнштейном.

– Кто такой? Еврей, наверное?

– А ты еще и ксенофоб. Вот не повезло мне с тобой. Ладно, ложись, дитя человеческое. Как это у вас: утро вечера мудренее.

Проснулся Федор как всегда чуть свет. Обмыл обросшую недельной щетиной физиономию, позавтракал всухомятку и, собрав свои орудия труда, вышел на трудовую вахту. В голове ничего нового не ощущалось, и Федор был спокоен. Он даже подумал, что все ночные разговоры – если не сон, то следствие увлечения горячительными напитками. И то сказать: тетка Анисья такую гадость гонит – в рот не лезет. Зато в голову ударяет, как кувалдой. Не спеша приступил к сметанию опавших за ночь листьев с тротуара, дыша свежим влажным воздухом. Подивился тому, что в голове никаких последствий вчерашнего застолья. Но мало ли чудес на свете. В семь утра из домов начали выходить люди, обремененные необходимостью соблюдать трудовое законодательство. Учитель Крутиков из их дома поприветствовал дворника по-свойски:

– Здорово, Евстигнейч! Убираешь?

И тут в голове Федора что-то щелкнуло, и неожиданно для самого себя он проговорил:

– Вы знаете, коллега, оказывается, раздувание происходит не наружу к внешнему наблюдателю. «Разбухает» пространство внутри черной дыры. Наглядно можно представить, что внутренность черной дыры раздувается пузырем в другое пространство. С точки зрения внешнего наблюдателя ничего примечательного в его Вселенной не происходит. Черная дыра не меняется в размерах. В этом отношении...

Учитель Крутиков с недоумением посмотрел на дворника и поспешил удалиться, крутя пальцем почему-то возле своего виска.

Федор отшвырнул метлу и остановил бабку Мотю – пенсионерку с довоенным стажем, вылезшую спозаранок прогреть свое тощее тело.

– Слушайте, Матрена Никитична. Вы должны согласиться, что темная энергия находится не внутри Вселенной, а снаружи. Наш мир – всего лишь ядро некоей сверхчастицы, и тогда краевые эффекты на границах Вселенной объясняются просто...

Баба Мотя испугалась и, как резвая лань, поскакала домой, оглядываясь и шепча: «Чур меня, чур...»

Появился начальник ЖЭУ Петр Николаевич.

– О чем задумался, Евстигнейч? Не похмелился, что ли? Федор окинул быстрым взором плотную фигуру своего

начальника и с удовольствием сказал:

– Понимаете, Петр Николаевич, наша Вселенная есть гигантская флуктуация согласно Больцману. Но как он неправ, как...

Начальник ЖЭУ на всякий случай отодвинулся подальше и спросил:

– Температуру не мерил? Может, скорую вызвать?

И ушел.

Весь день новообращенный Федор Евстигнеевич пытался всем встречным и поперечным доказать, что сингулярность – это всего-навсего гипотетическая бесконечность массы и энергии в точке размером 10^{-32} см. Но люди при первых же его словах шарахались от него, как от чумного. К вечеру Федор вернулся домой, присел на колченогое подобие кресла и произнес сакраментальную фразу: «Во многих мудростях – многие печали». И загрустил. Он понял, что одиночество и непонимание сомкнуло вокруг него абсолютное кольцо, из которого вырваться невозможно. Он достал начатую пол-литру и приготовился пригубить, но передумал. Много всяких вопросов появилось в его трезвой и свехумной голове. Кто он теперь? Ученый? Энциклопедист? Мутант? Умственный урод? Топор без обуха? Гайка без болта? Как его угораздило согласиться с этим самым Мировым Разумом? Жил себе тихо и никому не надоедал, всем желал добра и мира. Нет же, соблазнился на халявное дело. На вот – получай. А как его использовать, полученное? Кто скажет? Захо-

телось, видишь, влезть в чужие штаны. Ну и как? Не жмет? Ах, жмет... Да так, что впору петлю на шею.

Встал на колени и поднял лохматую голову к потолку, ожидающему давно обещанную побелку, и взмолился:

– Господи, кто бы ты ни был, верни меня прежнего. Не хочу знать то, что мне не нужно и даже вредно. Люди бегут от меня. И работать, как прежде, не могу. Больно мне и печально. Сжался. Что тебе стоит? Первый блин всегда комом. Найди кого-нибудь поумнее, чтобы пользу дал человечеству. А я – хил и слаб. Пожалуйста...

Но его стенания прервали вошедшие люди в белых халатах, за которыми прятался начальник ЖЭУ Вежливо, но твердо Федора подхватили под руки и повели к выходу. Федор не сопротивлялся, догадавшись, что в его жизни наступает новый период, полный страшных ожиданий. Уже садясь в машину «скорой помощи», он посмотрел на небо и погрозил кому-то тяжелым кулаком. И мрачно ругнулся:

– Благодетель чертов!

Соринка в глазу

Если кому интересно, я работаю каменщиком. Вот. Как профтехучилище десять лет назад окончил, так и леплю кирпичные дома. А что? Работа разнообразная, доходная. Вот. Особенно если какому олигарху особнячок потребовался. Стоишь себе на подмостях, кельмой раствор из ящика выгребашь и расстилаешь его по наружной или по внутренней версте. А потом берешь кирпич и кладешь его на раствор с прижимом и вровень с причалкой. Лишний раствор на шве кельмой же и срезаешь. Вот. И так – каждый день. Впрочем, история не об этом.

Однажды летом иду я на смену а день такой теплый, ясный, тихий. Вот. Солнце раскалено, как утюг. Я свои зенки вытарацил и люблюсь прозрачным небом. А по нему, как в голубом бульоне, плавают пельмени из облачков. Красотища!

И вдруг в левый глаз что-то попало. Поморгал, поморгал – не выходит. Вот досада. Тер пальцем и так, и так. И верхнее веко задирает, и бельмами шевелил влево и вправо. Ни фига не выскакивает. Вот, блин, называется, нарвался. Нужно мне было зыриться в небо, как придурок. Вот.

Однако на работу явился вовремя. А сам, как полководец этот самый – Кутузов, могу смотреть только одним глазом, поскольку левый... вот... даже открыть нельзя. Меня сразу

окружила моя бригада.

– Слышал? К нам пришельцы летят.

Я только плечами пожал.

– Идите вы к...

А мне по ушам чуть не хором – утром по телику передавали. Поймали упорядоченные радиосигналы из космоса. Оказалось, что это инопланетяне летят к Земле. То ли с приветом, то ли покорить нас хотят, как это в американских фильмах показывают.

Я отмахиваюсь, как от назойливых мух:

– Да брехня все это. Чего только журналисты не придумают для прикола.

– А если не брехня? Это же... Мирового значения. Понимать надо. А чего это ты глаз заварил? Болит?

– Плевал я на ваших пришельцев. Не до них сейчас. Мне в глаз какая-то фигня залетела – никак не выковыряю. Хоть «скорую» вызывай.

А мой напарник, Лешка Савинов, съехидничал:

– На девок меньше лупиться надо, а то и вовсе ослепнешь.

– Иди ты к лешему, – говорю. – Никаких терпениев больше нет.

А тот предлагает вполне серьезно:

– Давай вытащу. Я на днях у своего Тузика одну фиговину из глаза извлек в один момент. Тузик даже обидеться не успел. А уж он такой нервный.

Я аж взвинулся от его слов:

– Я тебе Тузик, что ли? Вот. Пошел ты...

Но Лешка задрал мою голову своими тяжелыми лапами, раскрыл шершавыми пальцами мои веки и как лизнет глаз мокрым языком с запахом дешевых сигарет. Я даже охнуть не успел. Кричу:

– Что же ты, козел рогатый, со мной вытворяешь? Вот. Врач фиговый!

А он засмеялся и показывает соринку из глаза. Вытащил все-таки, фельдшер-самоучка.

– Держи на память.

Взял я что-то такое маленькое, как маковое зернышко. И как это только оно в глаз попало? Вот. Бригада вокруг меня всякие реплики подает:

– Блестит, как золотой.

– Песчинка обыкновенная.

– Гладкий.

– Твердый, как в первую брачную ночь.

– Га-га-га...

Всмотрелся я в соринку, и сдается мне, что она на пулю похожа. Остренькая. Потер пальцами – правда, гладкая и твердая. Наверное, из металла. Что же это за дрянь такая? Лешка Савинов предлагает:

– Давайте ее расколем и узнаем, что там внутри.

– Давай, давай, – поддержала его бригада.

Сильно любопытство всех обуяло. И про пришельцев забыли, и что пора за работу приниматься. Взял Лешка моло-

ток-кирочку, положил соринку на металлический лист – и как долбанет молотком по соринке. А той – хоть бы хны. Цела и невредима.

– Ни фиги себе, – заинтересовалась бригада. – А что если ее кувалдой шандарахнуть?

Сказано – сделано. Притащили огромную кувалду. Самый сильный из нас Пашка-«лапоть» размахнулся и... хрясь. Все уставились на то место, где должна быть соринка или то, что от нее осталось. Вот. Ожидали мокрое место, а фактически... вот... целой осталась. А на бойке кувалды и на стальном листе – вмятины.

– Е-мое! – выругался кто-то. – Вот это материалец!

В самом деле, на соринке – ни царапинки. Как будто тут не задумаешься о странностях в природе. В этот момент ба-шеный кран начал тихонько перемещаться по рельсам. И тут Лешка предложил новое испытание:

– Под колеса положим. Такая махина, что хошь раздавит.

Бригада этот почин горячо одобрила. С огромным энтузиазмом соринку ту подсунули под колеса крановой башни. Колесо наехало... И тут это самое и случилось. Вот. Раздался взрыв, а из-под колеса вырвалась огненная струя и взметнулась в небо. А кран покачнулся, но устоял, зараза. Крановщица из будки заорала на нас:

– Вы, козлы, сдурели, что ли, совсем с перепоя? Щас в милицию позвоню.

А тут откуда-то бригадир заявился. Увидел, что мы не де-

лом заняты, заругался:

– Мать вашу... А ну по местам.

Ну, мы и пошли. Лешка схватил меня за рукава и возбужденно заговорил:

– Я тебе что скажу. Не простая эта соринка. Из космоса прилетела и назад в космос вернулась.

В этот день норму мы не выполнили. Зато разговоров – на всю катушку. И про пришельцев, и про соринку. А утром включаю телевизор и вот тебе – новости. Оказывается, расшифровали те радиосигналы из космоса, и выяснилось, что внеземной корабль, в самом деле, опустился на Землю, которая оказалась чудовищно огромной. На Земле корабль попал в странную и непонятную среду и с большим трудом вырвался на свободу. И, дескать, ввиду невозможного контакта с земными гигантскими чудовищами им придется поискать более гостеприимную планету. Вот так.

А на работе Лешка оттащил меня в сторону и зашептал, почему-то оглядываясь:

– Вовсе она не из космоса прилетела.

– А откуда?

– Оттуда. И не корабль это с инопланетянами, а этот... с рогами.

– Козел, что ли?

– Сам ты козел. Дьявол, вот кто. Прилетел он из ада, чтобы конец света у нас устроить. Да сам и попал в ад земной. Еле вырвался из-под колес.

– Мастер ты заливать, – усмехнулся я. А сам подумал: «А черт его знает. Может, Лешка и прав. Что мы знаем о том свете, когда и об этом толком ничего не знаем».

И теперь, когда я выхожу на улицу, первым делом поднимаю голову вверх и жду: а вдруг опять что-нибудь залетит в глаз. Чтобы на этот раз доказать, что мы вовсе не агрессивные чудовища. Вот. А нечистой силы никакой быть не может. Ненаучно это.

Раздел 2

Все возможно

Решение инженера Кравцова

Во всю стену экран. Перед ним – небольшая наклонная панель с созвездием индикаторов, кнопок и прочей управленческой премудростью. Экран показывает стройплощадку – каменистое горное плато на высоте двух тысяч метров. За площадкой, возвышаясь над ней, видны отроги Западно-Саянского хребта. Трудно поверить, что управление строительством расположено в долине Енисея в ста километрах от стройплощадки. Объемное цветное изображение создает законченный эффект присутствия.

Инженер Юрий Кравцов взглянул на старинные ручные часы: половина двенадцатого. Почувствовал легкую головную боль. Да, он плохо спал эту ночь. Боль отвлекает от работы. Выполняя сложные операции, он должен чувствовать себя абсолютно здоровым.

Сегодня ожидается напряженная смена. Предстоит возвести многоэтажный высокогорный отель для альпинистов и любителей экстремальных лыжных спусков. Работа не новая, но почему-то у Кравцова нет обычной твердости духа. Что-

то мешает ему сосредоточиться на задании. Неясное волнение без видимых причин. Неужели он теряет уверенность в себе? Но почему? Что могло случиться с ним за последние дни?

На экране карманного коммуникатора появилось изображение девушки. У нее классическое лицо, как у древнегреческих богинь. Все в ней – волнующая тайна красоты. Белокурая коса обернута вокруг головы. Спокойные голубые глаза. Твердо сжатые губы. Движения легки и естественны. На ней простое и практичное синее платье.

– Лета? – удивился Кравцов. – Ты хочешь что-то сказать?

Она ответила, чуть заметно волнуясь:

– Юрий, я подумала, что тебе, возможно, это будет важно. Завтра я улетаю. Компания «Фотосинтез» командирует меня на Луну. Там на международной базе начали проводить эксперименты по превращению квантов электромагнитного поля в протоны и электроны. Представляешь: любые вещества из света! Даже воду и продукты питания. Перспективы – не правда ли!

– Я слышал об этом, – сухо ответил Кравцов.

Лета пристально поглядела в его черные, чуть прищуренные глаза. И увидела в них колебание его души.

– Тебя что-то мучает?

– Да, в моих мыслях – хаос. Но я разберусь сам. У меня сейчас ответственное задание. Надо собраться. А ты... Надолго?

Лета продолжала пристально смотреть на него.

– На месяц пока. Но контракт могут продлить. Это зависит от результатов. Мое участие как физхимика сочли необходимым. Удачи тебе. Соберись, и ты победишь. Помнишь, как мы познакомились? И несколько раз встречались. Ты воздвигал дома из воздуха и показался мне волшебником. Я подумала тогда: человек, управляющий воздухом, должен быть очень счастливым. Пока! Мы еще встретимся. Хочешь – приезжай на космодром.

Изображение на коммуникаторе исчезло. Кравцов вздохнул и задумался. Неужели это началось после знакомства с Летой? Что-то тогда шевельнулось в его душе. Возникло некое противоречие между сознанием и чувствами. Но почему оно возникло? Сейчас – конец двадцать второго века. Новая жизнь. Новые ценности. Новые нормы этики и морали. А у него началось то, что было уделом людей столетия назад. Неужели в нем появилась болезнь, которой болели люди тех далеких времен? Порок прошлых поколений, когда мужчины и женщины неведомой силой притягивались друг к другу, создавали так называемые семьи, плодили и выращивали детей сами, а не отдавали их в общественные ясли?

Он на секунду закрыл глаза, а когда вновь открыл, увидел, что стрелки часов сошлись на двенадцати. На экране появилась яркая точка. Она падала за зубчатые вершины гор. За ней тянулась тонкая светящаяся полоса. Кравцов вспомнил: сегодня возвращается с Плутона космический гравито-

лет геологической экспедиции. Наука сумела подчинить гравитацию и конструировать космолеты, летящие со скоростью до ста километров в секунду. Уже несколько лет осваиваются недра Марса, Титана, Европы.

Теперь на коммуникаторе появилось строгое, почти без морщин лицо руководителя строительством Валида. Ему двести пятьдесят лет, но выглядит он гораздо моложе. Генетика в наши дни достигла колоссальных успехов по продлению активной фазы жизни до трехсот и более лет. На Земле уже нет болезнетворных микроорганизмов. Прекратились болезни.

– Через пять минут начнем, – сказал Валид. – Ты плохо спал сегодня? У тебя какое-то странное выражение лица. Все в порядке?

– Да, Николай Игнатьевич. Но вы не беспокойтесь. Все будет как обычно. Так, легкое...

Он не сумел подобрать нужное слово и замолчал. Ложь давно вышла из обыденного употребления, равно как и агрессия, измена, брань и многое из архаики прошлого. На людей, которые умудряются все-таки проявлять атавистические заскоки, смотрят как на ненормальных. Их заставляют лечиться. Кравцов не мог бы соврать Валиду. Он боялся другого вопроса. Но Валид не задал его. Он был очень проницательным и мудрым человеком. Кравцов перевел дух. На миг подумал: это прошлое просыпается в нем. Разум должен быть сильнее чувств. Но этот тезис не убеждал. Однако, пора

приниматься за дело – Валид дал сигнал.

Кравцов произвел на панели нужные манипуляции, вызывая с базы радиоуправляемый ультразвуковой планировщик. Стараясь не думать ни о чем, кроме работы, он стал внимательно наблюдать за происходящим. Участок Кравцова считался сложным по атмосферным условиям. Здесь мало воздуха, и потому за автоматами нужен особенно тщательный контроль. Жаль, что сюда не доставили планировщик – робот, который позволил бы обойтись без постоянного контроля. Впрочем, личное участие в управлении все же интереснее.

Где-то далеко отсюда с Земли поднялась сложная и удивительная машина, похожая на громадную стрекозу. Гравидвигатели легко переносят ее к стройплощадке. Вот он опустился на край горного плато. Нажатие на нужные кнопки переносит «стрекозу» к намеченному для строительства участку. Задержалась на минутку, вытряхнула из-под «крыльев» стрелы молний и пошла наступать на груды камней, разрушая их ультразвуком до пылевидного состояния. Одновременно «крылья» излучают высокочастотный ток, оплавливая и выравнивая каменное основание. За машиной остается ровная площадка – основание под будущий отель.

Когда-то этот способ коренным образом изменил технологию прокладки дорог, пробивание тоннелей, просверливание многокилометровых шахт и многие другие виды преобразования каменной природы Земли.

На стройплощадке сейчас стоит адский грохот и жара. А здесь тихо. Только шелестит за окном ионосферный ток, направляемый мачтой «Тесла» на далекую стройплощадку. Такие мачты стали привычными деталями земного ландшафта взамен высоковольтных опор с проводами.

Планировщик сделал свое дело. Кравцов встряхнул головой, отгоняя посторонние мысли, и отослал «стрекозу» на базу. Взамен вызвал хитроумный строительный агрегат – Дельта-излучатель. Было время, когда считали, что спектр электромагнитных волн простирается от радиоволн до гамма-излучения. Теперь этот спектр раздвинут в обе стороны. Сразу за гамма-излучением открыты очень жесткие так называемые «Дельта-волны» с частотой более $3 \cdot 10^{25}$ Гц. Они рождаются при расщеплении глюонного поля внутри протонов, высвобождая кварки. Дельта-волны превращают газообразное состояние воздуха в кристаллическое. Воздухолит – легкий, нетеплопроводный, очень прочный, долговечный и дешевый стройматериал. Высокие физико-технические свойства Воздухолита сделали его самым распространенным материалом двадцать первого века.

Дельта-излучатель уже над площадкой. Пора включать его в работу. Кравцов с усилием вспоминает порядок его включения. Опять эти непонятные всплески чувств. Они участились после разговора с Летой. Перед глазами возникает ее образ, ее скромная улыбка, милый наклон головы, тугая коса и большие голубые глаза, такие большие, что это уже не

глаза, а само небо. А, может быть, и вся Вселенная. Наверное, она сейчас уже готовится к посадке в гравитолет, чтобы умчаться на Луну. Почему именно на Луну? Что там лучше условия для ее работы, чем на Земле? Когда же началось это наваждение? Год... два назад? Это обязательно надо вспомнить. И именно сейчас, пока Тета-излучатель ползает по площадке. И он вспоминал.

Это было в День науки. Синие сумерки пропитали город. Зажигались звезды. И вот на громадном фоне неба появилось изображение человека во весь рост. Он поднял руку. И тысячи людей на улицах и площадях превратились в слушателей и зрителей. Человек назвал последние достижения в науке и технике за последний месяц и уступил место видам светлых дворцов, воздвигнутых в Гренландии.

Юрий Кравцов стоял на набережной, облокотясь на пластмассовый парапет, и любовался речной гладью, освещаемой прожекторами. Рядом, запрокинув голову вверх, стояла девушка, изогнувшись, как пантера. Он сказал ей, хотя и не хотел этого:

– Пейзажи должны приносить удовлетворение. По-моему, сегодня это удалось.

И девушка отозвалась:

– Удовлетворение? Наверное, тем, кто строит эти дворцы.

Она повернулась к нему, и он почувствовал себя неудобно, будто увидел нечто экзотическое. Такие лица не повторяются часто. Он ответил:

– Строители – самые удовлетворенные люди.

– А-а... – догадалась она. – Вы строитель?

Пришлось сознаться. Потом они долго шли вместе вдоль бесконечной набережной. Говорили о своей работе, о величии эпохи, о новых обычаях, об открытии разумной жизни на очень далеких планетах. Он понимал, что может говорить с ней обо всем. И она будет слушать и понимать его, как никто другой. Это было приятно, но... опасно. Расставаясь, они договорились встретиться еще раз. И они встречались и не один раз. Потом пути их разошлись, но они часто переговаривались через коммуникатор, и он невольно жалел, что не может видеть ее очно. Она была очень занята, как, впрочем, и он. Наконец он понял, что не может забыть ее и отказаться от контактов. И он стал наедине переживать борьбу разума с сердцем, догадываясь о причине этого состояния.

Дельта-излучатель похож на большую бабочку только крылья ее испускают не благоухание, а Дельта-волны, превращающие по сложной программе воздух в Воздухолит. Излучатель описывает круги по контуру будущего здания. Воздух под ним начинает сгущаться, синеть, просвечиваться огненными жилками. Стены растут все выше и выше. Отчетливее становится облик горного дворца: изящная простота фасадов, выпуклые пилястры, верхние эркеры, террасы. Агрегат делает последний круг над сгущенным из воздуха шпилем и улетает. Кравцов облегченно вздыхает: задание выполнено. Теперь слово за художниками. Они отделают инте-

рьеры и установят приборы микроклимата. Смена длилась три часа. Как медленно и... как быстро. Время всегда течет быстро, если не следить за каждой секундой, уходящей в вечность. И медленно, если мысль сужена до секунд.

Кравцов встает и выходит из операционной. Идет по коридору с само светящимися стенами, и пол из искусственного покрытия заглушает нервные звуки шагов. В голове появляется мысль: поделиться своими тревогами с Валидом. Он мудрый и добрый. Он поймет и подскажет ему модель поведения. Проходит мимо дверей, за которыми операторы при помощи послушных автоматов строят дома, прокладывают дороги, сооружают гравитодромы. Он ускоряет шаг. Теперь он почти бежит, торопясь поделиться своими ощущениями. Стремительно влетает в кабинет своего руководителя. Валид сидит за столом и приглашает его присоединиться к нему. Он видит взволнованное лицо инженера и молчит, давая возможность тому высказаться первым. И Кравцов тихо начинает:

– Я не знаю, что со мной. Понимаю, что это эмоция. Но какая именно? Откуда она? Почему? Она поселилась в моей груди. Она не дает мне покоя.

Валид кладет свою тяжелую ручищу на холодную руку Кравцова. Спрашивает вкрадчиво:

– Это из-за женщины?

Кравцов кивает головой, не решаясь взглянуть в глаза своего руководителя. Признается:

– После того как я познакомился с ней, мне хочется чаще видеть ее. Разговаривать. Подарить что-нибудь. Погладить ее волосы. В общем, всякая глупость. Что это за болезнь, и как ее лечить?

Валид долго молчит. Потом отвечает:

– Было время, когда мужчины и женщины сходились и создавали семьи не потому, что так было надо для демографии, а по взаимному влечению душ и сердец. Не прагматические расчеты, а... любовь двигала ими. К сожалению, в нашем обществе возобладали расчет и практическая польза. Дети стали мешать наполнению своей жизни развлечениями, стремлением к богатству и к покою. Любовь отмирает. Сейчас она встречается все реже и реже. И многими осуждается как варварское чувство, недостойное современного человека.

– Значит, – сказал Кравцов, – значит у меня – любовь? Но она не нужна мне. Она мешает работе. Она отвлекает. Она полна неясных последствий. Я боюсь ее. Я хочу избавиться от этого наваждения. Ведь существуют способы... Вы знаете?

Валид нахмурился.

– Любовь обогащает душу, придает жизни полноту и счастье. Это благо, а не зло. Жаль, что люди превратились в рабов своих дурных страстей. Деньги не могут заменить любовь. Это плохо кончится для всех. Но... ты вправе решать сам. Только сам. Взвесь все, что я сказал, и поступай так, как подскажет тебе твое сердце. Отдохни недельку. Поговори с

ней. Может быть, она тоже обладает способностью любить. Если – нет, тогда...

Валид замолчал и попрощался, сославшись на срочные дела. Кравцов вышел из кабинета на деревянных ногах. Нет, встречаться с Летой он не будет. Если она современная девушка, то он разочаруется в ней, и на душе станет еще гаже, чем сейчас. Ему уже под тридцать. Он давно не легкомысленный юноша и вполне созрел для самостоятельных решений.

Он опустил эскалатору в вестибюль, прошел на открытую террасу. Солнце уже клонилось к горизонту. В небе летали индивидуальные ионопланы и гравилеты, заменив когда-то господствующий на дорогах автотранспорт. По берегам реки зеленела пальмовая тайга. А сразу за зданием управления – банановая роща. Январь в этом году выдался холодным, и бананы еще не созрели, хотя в почву во время были введены катализаторы созревания.

Кравцов долго смотрел на кучевые облака. Они тяжело проплывали по небу, как и сотни лет назад, ежеминутно меняя очертания. Вечно изменчивые и вечно неизменные! В центре одного облака разорвалась метеоракета. Облако сразу потемнело и вдруг излилось прямыми струями дождя. Где-то неподалеку потребовался локализованный дождь, и техника пришла на помощь. Он спустился по ступеням и углубился в аллею с цветущими орхидеями. На миг пожалел, что тайге не сохранили ее древний вид. Да, климат научились изменять

в каждом конкретном районе. Но говорят, что смена времен года тогда воспринималась лучше. Впрочем, тайга еще осталась в некоторых заповедниках, куда съезжаются туристы со всего света.

Он вошел в поселок из нескольких коттеджей. Здесь жили сотрудники управления строительством. Его коттедж был первым в ряду. Здесь Кравцов отдыхал после смены, общался с друзьями по стереоинтернету, читал электронные книги, принимал гостей – своих коллег. Сел у окна, так как почувствовал нехватку света, воздуха и еще чего-то, чего он и сам не знал. Дал команду домашнему роботу, и стены стали прозрачными, и впустили в дом серые вечерние сумерки. Климатические установки придали воздуху в доме запах свежей сосновой хвои.

Кравцов погрузился в раздумье. Перебирал все за и против. Слова Валида не успокоили, а наоборот внесли смятение в сознание. Через час, когда вечер уже стал фактом, он понял, что решение пожертвовать своими чувствами к Лете он принял как единственно правильное. Забыть, забыть Лету! Выбросить из памяти ее светлое узкое лицо, голубые глаза и тигриную гибкость тонкого стана! Он знает, как это сделать. В институте «Человека» изобретено устройство по вымыванию из эмоциональной сферы ненужных всплесков души, мешающих жить свободно. Это можно сделать легко и безболезненно. Он быстро нашел по коммуникатору адрес института и фамилию соответствующего специалиста – про-

фессора Игошина и договорился о времени приема.

И вдруг ему страстно захотелось вот сейчас, немедленно увидеть Лету, заглянуть в ее глаза и сказать пару ласковых слов. Он испугался своих желаний и поспешил во двор. Он немедленно направится в институт. Далеко? У него есть индивидуальный гравиперемещатель, он домчит его за пару часов. Гравиперемещатель стоял под навесом и выглядел как прозрачный шар с мягким креслом внутри. Кравцов открыл дверцу, уселся и отгородился от внешнего мира. Приказал послушному роботу-исполнителю:

– Верхоянск. Километр в секунду. Земля.

Суперкомпьютер рассчитал нужную программу, перемещатель дрогнул, сорвался с места и бесшумно полетел над воздухолитовой дорогой, точно повторяя все ее повороты и неровности. Но ему мало тащиться непосредственно над землей. Шар летел над водной гладью, и Кравцов посадил свой перемещатель прямо на воду. Разбитые волны вздыбились фонтаном и рассыпались радужными искрами. Потом шар нырнул, и наступила зеленоватая мгла. Шар плыл быстро, распугивая стайки пучеглазых рыб. Потом всплыл на поверхность и понесся, вспенивая воду, к пристани, где у причалов стояли десятки морских атомоходов и гравилайнеров. Верхоянск давно стал портом северного океана.

Скорее! Скорее! Он ступил на пристань и поспешил в город. Не стал брать в киоске авторолики, а шагнул на самую быструю ленту движущегося тротуара и присел на жесткое

сиденье. Шесть рядов лент текли по центру улицы с разными скоростями в разные стороны. По проезжей части неслись бесшумные гравиавто, на которых любят кататься молодые экстремалы. Над гранеными кристаллами высотных домов проносились гравилеты и перемещатели, похожие на прозрачные пузыри. Над подъездом одной из высоток – вывеска: Институт «Человека». Вдоль здания выстроились шеренги стройных пальм с огромными веерами листьев. Поперек улицы вспыхивает световая реклама, повествуя о последних событиях в стране и мире.

Кравцов соскочил с движущейся ленты и вошел в подъезд института. Узнал, где помещается профессор Игошин, и поднялся по скоростному лифту на пятнадцатый этаж. Его встретил высокий, узколобый мужчина двухсот с лишним лет. Глаза прикрывали огромные затемненные очки. Он с любопытством поглядывал на пациента, пока тот усаживался в кресло рядом с хозяином кабинета. А тот сразу же приступил к объяснению причин своего визита:

– Во мне сидит проклятье прошлых веков. Оно то радуется и волнует меня и кажется важным и привлекательным, то пугает, выбивает из колеи и отвлекает от работы. И я не хочу, чтобы на меня смотрели как на отсталого и дремучего человека. Я хочу быть современным, как все. Любовь – это роковая болезнь, и я хочу вылечиться от нее. Быть как все.

– Не все, – перебил его профессор, – не все, но многие. Вы не представляете, сколько мужчин и женщин носят в себе

бациллы так называемой любви и вовсе не хотят избавляться от нее. Вы не из этой породы, так?

– Именно так.

– Вы все продумали? Ваше решение окончательное? Сума вас устраивает? Операция стоит денег.

– Иначе я не был бы здесь.

Профессор направил в лицо Кравцова приборчик, похожий на старинную фотокамеру, и стал смотреть в смотровое окно.

– Это недолго, – сказал он. – Это система «Церебро ад хок», что означает – «мозг для данного случая». Особые высокочастотные волны реконструируют нейроны мозга в нужном направлении. У вас не запущенный случай. Вы даже ничего не почувствуете.

Прошло не более минуты. Потом профессор спрятал приборчик и изобразил на лице скупую улыбку:

– Поздравляю! Все вышло отлично. Теперь вы самый современный человек. Оплату произведете в бухгалтерии.

Кравцов поспешил на свежий воздух. Все кончено! В организме ничего не изменилось. Только – пустота мышления и некоторое сожаление о случившемся. Он вернулся к нормальному эмоциональному состоянию. Можно отдохнуть от раздвоенности и сложных ощущений. А если не лгать себе? Если быть предельно откровенным? Кравцов потрянул головой, отгоняя предательские мысли.

Долго шатался по городу, как герой стихотворения поэта

двадцатого века Пастернака. К вечеру он вышел на набережную. Здесь когда-то он встретил ее. Здесь началось их знакомство. Он помнит их разговор о смысле жизни, о творчестве, о своем будущем. Ему было приятно ее простота, эрудиция, свобода мыслей.

– А-а, черт! – воскликнул Кравцов. – Все уже позади! Впереди – свобода! Надо вернуться к своим занятиям и забыть Лету. Лета... – он произнес ее имя, как будто впервые, и прислушался к сочетанию звуков – Л е т а... Я не мог поступить иначе. Я отключил свои чувства, и мы стали незнакомыми, как раньше. Стали?

Он поспешно настроил коммуникатор. На экране появилась Лета. Удивленно открыла светлые глаза.

– Ты хотел меня видеть? Что-нибудь случилось? Ты проводишь меня?

– Лета, – сказал он и замолчал.

И она догадалась обо всем. И губы ее сложились в неровную линию. Да, волны стерли его любовь к ней. Но вот он опять видит ее, и сердце сжимается от тоски. Он понял, что бессмысленно убегать от самого себя, от того, что называется увлеченностью и любовью. Он решительно выбросил коммуникатор в воду и, как пьяный, неуверенным шагом направился к станции гравиперемещателей. Домой, домой! Прочь от видений и соблазнов! Прочь от наваждений! Прочь все, что было и не должно быть!

И уже поднявшись в небо, почти без сознания, он стал

настраивать программу полета. Как он летел – Кравцов не помнил. Просто летел, ни о чем не думая, ничего не вспоминая. И даже когда подлетел к космодрому, ничуть не удивился, приняв все как должное. Приземлился возле гостиницы космонавтов. Вылез из шара и вошел в здание. Бегом, бегом по лестнице, словно убегал от самого себя. Вот ее комната отдыха. Без колебания открыл дверь и ступил на порог.

Она быстро подошла к нему и обняла крепкими руками его шею. И поцеловала. Зашептала:

– Я знала, что ты придешь. Я люблю тебя. Ты не боишься?

Кравцов хотел оправдаться.

– Я подумал, что... Я был в институте «Человека». Там я... Но...

– Я все поняла. Не жалею ни о чем. Любовь неуничтожима, она вечна.

И удивляясь самому себе, Кравцов поцеловал Лету и понял: можно лишить человека любви на время. Но вот новая встреча и любовь снова обняла его теплыми и светлыми объятиями, нейтрализовав результат безжалостных лучей.

За распахнутым окном шевелились косоугольные ветви деревьев. А в синем небе загорелась яркая звезда. Она становилась все ярче и ярче. И вот это уже настоящее солнце, заливающее светом и теплом северное полушарие. Это искусственное водородное солнце – символ всепобеждающего разума человека над слепыми силами природы. Но кому все эти достижения нужны, если в сердцах пустота и тишина?

Если нет взволнованности чувств и жертвенного отношения к другому человеку. Кто поймет: зачем и для чего создается новая природа, если никто не переживает ее тайной красоты? И только любовь с новым содержанием, но в старой форме будет вечно гореть в душах людей и толкать их на новые подвиги ради жизни. Во всей Вселенной, где есть разум – там есть и любовь.

Возбудитель эмоций – «Возэм»

1

Однажды Том Берроу... Как, вы не знаете Тома Берроу? Бывшего чемпиона обеих Америк по шахматам? Гроссмейстера Берроу? Не может быть! Его улыбающееся лицо несколько лет не сходило с телеэкранов и газетных полос. Это тот самый Том Берроу, который в пух и прах раздолбал самого Сэма Оливьера. Как, вы не знаете и Сэма Оливьера? Вы, что же, не интересуетесь шахматами? Ах, вас больше интересует свой собственный бизнес? Впрочем, все равно. Если вы угостите порцией хайбола, я вам кое-что расскажу. О'кей?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.